

Знахари: детские законы

повесть

Часть 1. Дядя Витя

Глаза тонули в небе. Облако напоминало лицо воздушной девочки, ангела. Я смотрел на нее и, казалось, говорил с ней о чем-то. Троллейбус выплёвывал из сине-белых дверей одного пассажира за другим, а я обходил его спереди, смотря на расплывающиеся очертания облачного девичьего лица.

Эта привычка – смотреть на небо – была моим суеверием. Одним из многих. Нельзя наступать на края уличной брусчатки, а иначе с мамой приключится беда. Надо обязательно положить в чай именно одну ложку сахара, а не две – или в школе ждет плохая отметка. И надо почаще смотреть в небо, так как там – энергия, сила, нужная для жизни. Если вас в детстве никогда не мучили подобные страхи и представления, я вам завидую; моя же голова в девять лет порой пухла от придуманной паутины странных примет.

Участок дороги, которую я переходил, был четырехполосный: два потока в одну сторону, два – в другую. На одной обочине, куда я направлялся, прямо перед входом на вещевой рынок торговали жареными семечками четыре старушки. Позади остался большой магазин, который никогда не пустовал. Тогда еще не было супер, мега и гипермаркетов, и магазин назывался просто магазином – независимо от размеров.

Когда мой взгляд наконец-то опустился с небес на землю, я уже катился на капоте сбившего меня автомобиля – темно-синей «восьмерки». Я не помню визга тормозов, хотя черный след от шин на асфальте был длиной больше четырех метров: я потом не раз приходил к этой троллейбусной остановке, чтобы понять, как такое могло произойти. До того, как машина остановилась, я успел заметить сквозь лобовое стекло лицо водителя и его черные усы с коричневыми волосками возле самых ноздрей. Мужчина, сидевший за рулем, застыл с судорожно выпрямленной спиной. Его расширенные, пустые от ужаса глаза мне затем не раз снились.

На капоте я лежал левым боком, голова почти касалась стекла. Когда колеса «восьмерки» замерли, я оттолкнулся рукой, что была прижата к капоту, и снова очутился на ногах. Через три-четыре минуты поток авто встал в обе стороны – на всех четырех полосах. Это я помню совершенно отчетливо. Сине-белый троллейбус так и остался на остановке, народ хлынул из него, чтобы посмотреть поближе на сбитого мальчишку. К ним присоединились покупатели из большого магазина и рынка. Но главную роль сыграли бабушки – торговки семечками. Пробив брешь в толпе, самая маленькая из них схватила успевшего вылезти водителя за рубашку и закричала: «Убил мальчонку! Уби-ил!». Ее головной платочек сбился набок, в уголках глаз заблестели слезы.

Собравшиеся будто только этого и ждали: плотное кольцо тел вокруг нас сжалось еще сильнее, с разных сторон слышались советы и крики. Кто-то предлагал вызвать скорую, кто-то – милицию. Водитель с сухими, посиневшими губами прислонился к полуоткрытой дверце «восьмерки» и не отрывал взгляда от маленькой бабушки, перешедшей на причет. Какая-то молодая, раскрасневшаяся девушка лет восемнадцати сидела передо мной на корточках и спрашивала:

– Где у тебя болит, мальчик? Мальчик, где больно? Почему ты молчишь?

– Да у него шок, вы что: не видите?! – говорила пожилая женщина, стоявшая где-то сзади. – Его надо в больницу. Вон детская поликлиника совсем рядом!

– Убил мальчонку! Сыно-очка уби-ил! – продолжала причитать старушка, леденя кровь окружающим.

– Смотрите! Не упустите его! – кричал про водителя с задних рядов мужской голос. – Пусть ведёт мальчишку в больницу сам! Пусть за всё платит, за его лечение!

– Мальчик, где ты живешь? Родители с тобой? Мальчик, мальчик, ну почему ты молчишь?! – снова и снова спрашивала девушка с красными щеками.

Я, наверное, действительно тогда вызывал жалость и сочувствие: моя худоба была притчей во языцех у родственников; острые коленки покрыты вечными царапинами и синяками; вихры на голове всё никак не хотели приглаживаться. Но я точно не был ни стеснительным, ни молчуном. Я просто не мог понять: зачем сбежались сюда все эти люди? Ведь со мной ничего не случилось.

– Мне не больно! – наконец произнес я. – Со мной всё в порядке. Можно я пойду?

– Да у него шок! – опять пожилая женщина сзади. – Мальчик, где ты живешь? Ты сейчас и десяти метров не пройдешь – свалишься! Машина-то неслась как сумасшедшая! Да от тебя мокрого места не должно остаться. Не пускайте его, ведите его в больницу!

А еще в том возрасте я был «упёртым, как баран», – это по выражению моего отчима. Поэтому если я решил отправиться домой, то уж не удержишь.

– Со мной нормально всё! Я пойду, ладно? Я пойду, пойду... – и я начал решительно продвигаться вперед. Людская стена расступилась, и через несколько шагов я оказался возле табуреток и коробок, брошенных продавцами семечек. Через пару минут рынок остался позади, и лишь тогда я оглянулся. Толпа постепенно редела. Потоки автомобилей снова заструились по двум крайним полосам. Фигурка горе-водителя всё еще стояла возле автомобиля, со всех сторон окруженная атакующими бабушками.

Ни одного перелома, синяка или ушиба я у себя не нашел – ни тогда, ни потом. Родителям ничего не рассказал, так как прекрасно знал, чем это могло закончиться: мать перестала бы пускать меня дальше родного двора.

Дня через два я и думать об этом забыл: девять лет такой возраст, когда каждое утро – будто начало новой жизни. Зато у меня было время поразмышлять об этом позже. Случайное везенье? Поток воздуха от автомобиля, мягко опустивший меня на капот? Электромагнитная буря? Не знаю. Возможно. Возможно...

Но дело в том, что были и другие странные случаи.

Глава 1.

Мы сидим с Катей в белом «Рено». Катя – врач-кардиолог по образованию, окончила местный госуниверситет. Сейчас она работает в какой-то фармкомпании и занимается «разъездами» – отсюда ее служебный новенький авто, на котором мы с ней катим в село. Катим с Катей.

– Спасибо вам, Леша, за дядю Витю! Он мне помог – правда ненадолго. Но это хоть какой-то результат. А от многих ведь вообще пользы нет никакой...

Мы с ней в чем-то похожи: и я, и она уже лет двадцать колесим по разным районам и областям России-матушки. И ищем мы с ней примерно одних и тех же людей.

– Я вам говорила про точку? Она такая черная, жирная, как клякса. С белым ободком по краям. Омерзительная, как опарыш. Я ее вижу уже много лет, вот даже сейчас, когда на вас смотрю. После того, как полечусь, – вроде бы всё пропадает, а затем – снова здорово. И другое есть еще. Разное.

Катя ведёт машину неуверенно, хотя, как я потом узнал, права она получила лет восемь назад. Да и ходит она так же. И, мне кажется, даже дышит не слишком глубоко. Будто ее кто-то сильно напугал в детстве, и страх этот, какое-то внутреннее стеснение остались с ней навсегда. В этом смысле я понимал ее, как никто другой: ведь я пережил встречу с Женщиной в синем и Куклой.

– А я вас представляла совсем иначе – старее, что ли. Голос у вас старше внешности, – она подмигивает поворотником, и белый «Рено» уходит направо – на Сызранскую трассу.

Ага. Мне такое часто говорят: про голос и внешность. Мы с Катей знакомы уже больше года, но офлайн встретились только сегодня. В январе 2017-го на сотовый мне позвонила женщина, которая прочитала мою заметку в местной газете. В статейке рассказывалось о встречах с несколькими «лечащими» – знахарями, знающими, колдунами, экстрасенсами. Называть их можно по-разному, суть от этого не меняется. Там же я описал свою беседу с дядей Витей – известным по всей округе целителем. Звонившая представилась Катей и попросила у меня его адрес. Я ей тогда отказал.

– Видите ли, Екатерина, я – исследователь. Антрополог, фольклорист. Роль справочника по местным знахарям – совсем не моё. Я не сообщаю ни имён, ни адресов, это одно из важных условий моего с ними общения. Именно поэтому люди, с которыми я встречаюсь, мне доверяют. Ведь вы понимаете, что в газетной статье все имена вымышлены? И названия сёл там не указываются. Так что – извините... – и нажал на смартфоне отмену вызова.

Позвонила она снова через четыре дня; сказала, что это вопрос жизни и смерти, а затем расплакалась. На этот раз я смилостивился.

– Послушайте, я рассуждаю так: ведь есть «знающие», которые помогают только ближайшим родственникам, а есть те, к чьему крыльцу давно протоптана народная тропа. Дядя Витя относится ко

второму типу, у него много клиентов. Поэтому-то я и решил сделать для вас исключение, – что и говорить, отвечал я ей как распоследний ученый сукин сын: ни слова в простоте. С превосходством в тоне и снисходительностью в содержании. Но она в ответ лишь поблагодарила и пообещала мне «давать регулярные отчеты» (это уже ее выраженьице) о своих поездках к колдуну в Барышский район. И Катя свое слово сдержала.

– Я к нему ездила, Лёша. Дядя Витя очень плох. Да, со здоровьем. Я ведь врач, я вам говорила? Послезавтра к нему поеду опять: повезу лекарства и тонометр хороший. У него давление скачет и с кишечником проблемы, – рассказывала она мне по телефону после первой поездки к знахарю.

Я тогда порадовался за них: Катя помогала со здоровьем восьмидесятилетнему целителю, а он – лечил ее. Каждый на своем уровне. Хорошо ведь! Хорошо да не очень. Как всегда, были нюансы.

– Знаете, сколько я по таким людям уже мотаюсь, Леша? – говорила моя новая знакомая, когда звонила в третий раз. – Много-много лет. А толку почти никакого. У дяди Вити вроде что-то стало получаться, но он ведь сам болен, ему самому помощь нужна...

Катя во время отчетов никогда не упоминала о том, чем именно больна, что ее заставило столько лет потратить на поиски своего целителя. Я надеялся, что при личной встрече смогу это выяснить: всё-таки до того села, где жил колдун, на машине было два часа ходу. За это время можно побеседовать о многом. И я не ошибся.

– У меня был парень, познакомились в университете. Он учился на юриста и ничего особенного собой не представлял. Но я в том возрасте почему-то считала, что одиночество – это плохо. Такой настрой внутри был: «Надо найти кого-нибудь, надо кого-нибудь найти обязательно...». Кто-нибудь и попался. Серый (я его всегда «Серым» называла, ему это нравилось, кстати) оказался жутким бабником, а главное – поучал меня бесконечно. Принялся играть роль «тирана-муженька», хотя мы и не думали с ним расписываться, – продолжает моя собеседница, внимательно глядя на несущиеся навстречу грузовики и фуры.

Самое интересное произошло, когда Сергей решил познакомить свою подругу с матерью. Именно этот момент Катя считает поворотным в своей жизни.

– Мамаша у него оказалась из этих – богомолок. Так я, по крайней мере, думала сначала. Весь зал в иконах, занавесочки, свечечки, стаканы с пшеном, коричневые тетрадошки с засаленными страницами. Она накрыла нам богатый стол: ты что, ведь драгоценный сыночек девушку привел! Завязался разговор. И я вроде как ей понравилась. «Ты, Катенька, моего Серёженьку не обижай, береги его. Он кровиночка моя единственная...» – это она меня так наставляла полушёпотом, когда «кровиночка» курить на балкон выходил.

Слово за слово и мамаша под самый конец застолья совсем разоткровенничалась.

– «Я ведь лечу, Катенька, людям помогаю. Порчу могу снять, сглаз. Даже одержимых принимаю, вот в той комнатке, у меня комнатка отдельная, вот в ней клиентов и отчитываю». Она мне так говорит и говорит, а сама посматривает на меня исподтишка: мол, как я, поняла ли всё, что нужно? А когда Серенький-то в последний раз на балкон курить побежал – перед тем, как провожать меня пойти, – эта старая ведьма ко мне наклоняется и шепчет: «Ты, ягодка, знай: я сына в обиду никому не дам. Он, если кого полюбил, – то навеки. А если его обидит кто – долго не проживёт! Поняла?». И улыбается, золотыми коронками блестит. Я с тех пор никогда у них и не была. Одного раза – выше крыши.

Через месяц Катя с Сергеем «разбежались» окончательно. А затем появилась точка. Жирная, как опарыш. Но не сразу. До этого были сны. Подробностей она уже не помнила: очень уж ей хотелось поскорей всё забыть.

– Я помню главное: сижу будто я на стуле вот в той самой комнатке, где мать Серого клиентов своих принимает. А я туда в реальности даже не заглядывала никогда. Мамаша стоит надо мной, блестит своими коронками да улыбается страшно. В руках у нее – длинная металлическая спица. И она медленно приближается ко мне, и этой спицей упирается прямо вот сюда, – женщина отрывает левую руку от руля и показывает пальцем между глаз, чуть повыше переносицы. – А затем вертеть начинает, крутить спицей, словно хочет череп мне проколоть. Я кричу, пытаюсь подняться со стула, но всё тело будто туго-туго нитками шерстяными спутано, шелохнуться нельзя...

Когда Катя впервые увидела точку, то не обратила на нее особого внимания: может, давление или глаза просто устали. Но черный

опарыш с белым ободком становился всё больше и больше. Девушка кинулась в больницу, ей там назначили различные обследования – была и у окулиста, и томограмму головного мозга сделали. Вердикт таков: всё в норме.

– Вот тогда я по бабушкам и по экстрасенсам начала ездить. Искала их везде – и по объявлениям в газетах, и по сарафанному радио. Затем, как Интернет появился, стала рыть там. Я и работу-то из-за этого себе нормальную найти так и не смогла: хорошего ведь кардиолога с руками оторвут – везде нужны. Но я устроилась в такое место, чтобы ездить побольше можно было. И искать. Вот с тех пор и катаюсь, Леша. Полжизни уже прокаталась, а всё без толку.

Едем дальше. Катя кивает на кафе впереди: мол, перекусить, Алексей Викторович, не желаете? Я соглашаюсь, и за чашкой кофе беседа продолжается.

– А вы почему этим занимаетесь? Ну я понимаю: наука и всё такое. Но наука-то разная бывает, почему именно такая странная тема – целители, колдуны всякие? Если не секрет, а, Леша?

Я пожимаю плечами и думаю, с чего же начать. С прабабки-знахарки? С Женщины в синем? С Куклы? Или всё-таки с дренажной трубы и Поля? А может, с того момента, когда меня сбила машина? Или со сновидений? Боже, как же тяжело рассказывать самому...

– Даже не знаю. Просто интересовался всегда таким – с самого детства. Склонность, наверное, была, – говорю я, чуть растягивая слова, и с облегчением вижу, что Катя кивает в ответ. Это означает, что мне снова можно вернуться к роли слушателя. Рассказывать – не мое.

– А у меня тетя во всё это верила и интересовалась: вещие сны, тарелки летающие. У нее домовый свой был, представляете? Уверяла, что он маленький, мохнатенький, она ему кашку на ночь оставляла в особой тарелочке. И печенья на стол клала. А утром всё исчезало – даже крошек не оставалось, хотя жила тетя одна, ни кошек, ни собак у нее не водилось: терпеть животных не могла, аллергия у нее.

Потом мы переходим на дядю Витю. Мы к нему едем, чтобы помочь: хотим немного прибраться в его избе, заменить кое-какие лекарства и – главное – договориться с соседями, чтобы они к нему почаще заглядывали. Человек он одинокий, слепой, даже печку не может себе разжечь.

– А раньше ведь очереди из машин возле его двора выстраивались: всем нужен был. А сейчас заболел, постарел, принимать не может – и все о нем позабыли, – вздыхает моя собеседница.

Я смотрю ей в глаза и думаю про себя: «Все да не все. Вот ты, Катя, всё-таки на что-то надеешься, раз каждую неделю у него бываешь? Или просто привязалась к больному старику? Бывает же бескорыстная помощь и человеческое отношение...».

– Я извиняюсь, Катя... – начинаю я и не знаю, стоит ли продолжать. – А точку вы эту прямо сейчас тоже видите?

Женщина быстро смотрит на меня, потом отворачивается и кивает.

– Надеетесь, что дядя Витя вам поможет?

Она молчит некоторое время, а затем допивает остатки чая одним глотком.

– Он ведь уже помог, Леша. Только он и помог. Мне, может, осталось-то чуть-чуть у него долечиться. Вдруг силы к нему вернуться?

После кафе мы едем минут двадцать молча. Я смотрю на текущие по бокам бесхозные осенние поля, и память непроизвольно перескакивает на детство. Да, тогда тоже было поле, точнее – Поле. И вход туда, на ту сторону...

– Лови его, лови! – Колька кричит так, что у меня глохнет левое ухо. – Дай-ка я сам, Лешка, дай сам, держи ведро!

Руки у него половчее, он вгоняет раскрытые ладони в мутную, красноватую от ржавчины воду и через секунду с торжеством показывает мне маленькое темно-коричневое чудище с клешнями.

Потом, когда мы в ведре притащили двух этих «рачкóв» к бабушкиному двору, дед, матерясь, достал из сарая лопату и перерубил нашу добычу на мелкие куски.

– У нас и так медведки всю помидору подкосили, а вы их еще с поля тащите!

Вот так мы узнали, как выглядят таинственные медведки. Бабушка не уставала жаловаться на эту напасть, а показать их нам всё никак не могла. Но Поле всегда показывало: оно делилось с нами открытиями каждый день.

– Пойдем в Нагóрный, а? – однажды предложил Колька. Он хоть тоже бывал у бабушки наездами, но знал эти места получше,

чем я. Шли через Поле. Нагорный видно не было, так как его скрывали холмы и насыпь с асфальтовой дорогой.

Поле – пахнувший свалкой, пылью и сожженной травой пустырь – мы излазили вдоль и поперек. Но там, за дорогой, таилась совершенно неведомая земля, terra incognita, которая только и ждала нас, обещая самые захватывающие приключения. Мы нашли трубу не сразу. Карабкаться вверх по крутой насыпи, а затем спускаться с нее было лень. Да и машины там носились с таким пугающим гулом, что становилось не по себе. Кольке недавно исполнилось восемь, а мне – семь. Узнай дед с бабкой, что мы одни пошли в Нагорный, скорее всего, это закончилось бы телефонным звонком родителям. А ничего страшнее и представить нельзя: ведь приезд родителей всегда означал конец лета и приключений.

Огромная бетонная труба пробивала насквозь большую дорожную насыпь. Наверное, по весне и во время затяжных ливней именно она спасала асфальт наверху от проседаний и разрушения. Но нас это интересовало меньше всего.

– Смотри, – прошептал Колька, указывая на далекий свет, льющийся из круглого отверстия на противоположном конце трубы. – Там – Нагорный. Мы пройдем сквозь и окажемся на той стороне. Здорово, да?

Я нехотя кивнул. Здорово-то здорово, но в трубе было темно, оттуда веяло холодом, а по ее дну тек небольшой ручеек, позеленивший серую бетонную поверхность, по которой нам предстояло идти. Непонятный страх сковывал всё тело, что-то – вероятно, ветер – подталкивало меня обратно, не хотело пускать.

Но Колька уже зашагал вперед. Размеры трубы позволяли идти не сгибаясь. Моему брательнику, хоть он и считался высоким для своего возраста, нужно было встать на цыпочки, чтобы дотянуться до темно-серого «потолка».

Мне показалось, что мы провели в бетонной темноте полчаса, однако даже в том возрасте я понимал, что это невозможно. Длина трубы не могла превышать десяти метров: высокая насыпь плюс дорога-двухполоска. Но я клянусь, что мы прошли намного больше: я успел продрогнуть и устать. Когда я наконец вслед за Колькой вывалился из бетонного плена, солнце светило нам уже в затылок, хотя до входа в трубу лучи били прямо в глаза.

– Вон он! – брат показал на серые двухэтажные дома, скучившиеся на нескольких пологих холмах. – Поэтому его и называют «Нагорный»: видишь, будто на горах стоит.

Поселок оказался самым тихим местом на свете. По сравнению с Садовкой, где находился бабушкин дом, жизнь здесь словно замерла. Нам попались навстречу всего двое прохожих. Один раз где-то вдалеке прогрохотал грузовик. У меня в кармане позвякивало несколько монеток; Колька предложил купить мороженое. Мы завернули в сторону местного автовокзала – одноэтажного грязно-желтого здания. Внутри стояли два ряда пустых потёртых кресел с пластиковыми красными сиденьями. Во всем здании мы заметили всего двух человек – кассиршу (мы слышали только ее голос: она с кем-то монотонно разговаривала по телефону) и продавца газет и книг.

Небольшой столик покрывала пыльная клеенка, книги стояли корешками вверх. У мужчины, сидевшего по ту сторону стола, было вытянутое, почти лошадиное лицо, которое внизу заканчивалось острой бородкой, а сверху блестело лысиной.

Мы с братом уже тогда любили читать. Я обожал фантастику, сходил с ума по Жюль Верну, брат любил приключения и перечитал всего Луи Буссенара – из того, что валялось на полках старой садовской библиотеки.

Я подошел к столику и чуть вытянул голову, пытаясь рассмотреть названия книг. Продавец молча выудил откуда-то темно-зеленый квадратный томик и протянул мне. На задней обложке была изображена почти обнаженная женщина, стоявшая вполоборота. В ее глазах застыл ужас: она видела то, что было недоступно читателю.

– Это то, что тебе нужно, – сказал уверенно продавец. Он говорил со мной, как со взрослым – серьезно и с уважением. Я перевернул книгу, чтобы увидеть название и имя автора. «Г.Ф. Лавкрафт. Сияние извне и другие рассказы». Мне это ни о чем не говорило.

– Покупай, не раздумывай, – сказал мужчина. Когда он произносил слова, в пустом зале возникало слабое эхо. Может быть, из-за этого голос продавца казался таким значительным и потусторонним.

– У меня, наверно, денег не хватит... – пробормотал я и вынул из кармана свои жалкие гроши. Продавец не глядя сгрёб мелочь себе в ладонь и кивнул. Я стиснул книгу в руке и медленно отступил к выходу.

– Дурак... – ворчал Колька, пока мы бежали обратно к трубе: вечерело, и нас могли хватиться. – Все деньги отдал за какую-то тётку голую на обложке. Лучше бы мы мороженое и лимонад купили. Что за Лавкрафт? Может, книжка говённая?!

Я не отвечал ему. Хотелось только одного: поскорее увидеть родное Поле. Когда мы выскочили с другого конца трубы, совсем стемнело. Ночью, лёжа под одеялом с фонариком (бабушка запрещала включать по ночам лампу), я проглотил за несколько часов весь темно-зеленый томик: там и было-то пять или шесть рассказов и одна повесть. Космический лавкрафтовский ужас покорило мое сердце года на три, но затем я охладел к хоррору. Томик так и остался в бабушкиной избе, а затем куда-то делся: скорее всего, пошел на туалетную бумагу.

Через 20 лет я ненадолго заехал в Садовку. Бабушка с дедушкой уже умерли, и их дом полностью перекроили в стиле «а-ля коттедж». Я самому себе не признавался в том, с какой целью тогда заглянул в село своего детства.

Переночевав у родственников, я с утра отправился на пустырь. Великое Поле почти не изменилось: всё тот же запах свалки и ржавые, красные лужи. Но теперь оно показалось мне удивительно маленьким и настолько невзрачным, что я даже не стал задерживаться здесь. Почти три часа я искал дренажную трубу. Я исследовал дорожную насыпь вдоль и поперек на расстоянии четырех километров. Да, за столько лет могло случиться что угодно: трубу могли зачем-то вытащить или засыпать. Как еще иначе объяснить то, что я не смог найти ее? Потом я взобрался на насыпь, тремя большими шагами перешел узкую асфальтовую дорогу и...

Нагорного я не обнаружил. Нет-нет, сам поселок, конечно, был, но совсем в другой стороне: не на холмах, а там, за перекрестком. Я решил поставить в этом деле точку и найти хотя бы жёлтое здание автовокзала. Наверное, его перестроили. Или снесли. Или что-то еще. Должно же быть какое-то логическое, взрослое объяснение всей этой дичи. Но я не стал никого расспрашивать и вернулся в Садовку к своему авто.

Еще недели через две я сделал последнюю попытку: обрыл весь интернет, чтобы найти то самое издание темно-зеленого Лавкрафта. Я отлично помнил, как выглядела эта чёртова книга, я даже

запах ее до сих пор чувствую. Возможно, такое издание на русском и существовало когда-нибудь в природе, но Гугл и Яндекс об этом ничегошеньки не знают.

Да, разумеется, я могу спросить Кольку: ему сейчас почти тридцать, и живет он не так далеко от Садовки и Нагорного. Но мы с ним не общаемся уже много лет, мне трудно будет говорить с ним. И – вероятно, это самое главное – я боюсь его спрашивать. Что бы он мне ни сказал, вряд ли это изменит мое отношение: пусть трубу засыпали или убрали, а желтый вокзал снесли. Пусть так. Для меня важнее, что я был там и что я оттуда смог принести книгу – материальное свидетельство чего-то иного.

У детства свои законы, нечего пытаться их применить к взрослой жизни.

Глава 2.

– Мертвых людей нету, Леша. Все живы, все живы. Вот я когда хожу на рынок – они все там торгуют, да. И в церкви их много. А недавно на Пасху – Господь свидетель – вышел я на крыльцо и вижу: целый караван с кладбища идет. Многих узнал – и мать, и брата видел. Я кричу им с крыльца: «Зашли бы, в баньке хоть попарились бы!». А брат машет рукой в ответ: некогда, мол. Не до бани нам. Идти надо! А куда они идут – Бог весть...

Я познакомился с дядей Витей четыре года назад, когда был еще жив его сын. Мы проговорили на крыльце его избы два часа и, быть может, беседовали бы и дольше, но к знахарю приехали клиенты – судя по номерам машины, издалека. Пришлось прервать разговор.

До встречи с ним я бывал у многих «экстрасенсов» – тех, кто считает, что обладает необычными способностями. В этом уверены и окружающие их люди. Но дядя Витя – особый разговор. С ним... как бы это поточнее сказать. С ним мои игры в науку отошли на второй план.

На висках у нее четко проступали вены – они вздулись, как у лошади, которую попытались остановить на полном скаку. Потом девушка начала кричать – словно кошка, половину тела которой раз-

можил пролетевший мимо автомобиль. Эти звуки выворачивают наизнанку: тот, кто хоть раз их слышал, сделает всё, чтобы не услышать их вновь.

Она сидела на высоком деревянном стуле лицом к большому иконостасу, возле которого горело семь свечей. Темные шторы отрезали нас от наружности.

– Ты в глаза ей не смотри, понял? Понял? А то переймёшь! – дядя Витя предупредил меня об этом сразу. Я напросился к нему, чтобы посмотреть, как он лечит, и вот в 11 утра привезли первую клиентку – девушку лет семнадцати. С ней был седой мужчина, который сейчас стоял позади стула, и руки его, лежавшие на ее плечах, ходили ходуном.

– Чёрт в ней сидит. Читать долго придется! Выходить из комнаты никому нельзя, а то плохо будет, – расслабленное, с мягкими, бабьими округлостями лицо дяди Вити преобразилось. Глубокая вертикальная морщина легла между бровями, глаза сузились до черных щёлок.

На видео и фото он снимать мне не позволил, и я всё записывал на диктофон, примостившись на низенький стул в самом дальнем углу. Целитель встал спиной к клиентке, лицом к иконостасу и прочитал несколько обычных молитв – «Верую», «Богородицу», «Отче наш», «Да воскреснет Бог». Затем он повернулся к окну и стал крестить стекла и рамы:

«Аминь, аминь, аминь. Каждая дырочка, каждая щёлочка, огради меня ко́лочками – бревенчатыми крылечками, вокруг нашей хоромины, каменной оградой, железным тыном. Кто эту ограду городил? Ангелы Господни...» – местами он переходил на шёпот.

Где-то минут через пятнадцать неожиданно приоткрылась дверь из зала, и в комнату проскользнул уже немолодой сын знахаря. Он быстро притворил за собой и поставил возле иконостаса глубокий медный чан, в котором что-то чернело.

Я только потом узнал, что дядя Витя лет двадцать проработал старостой местной церкви – уже после того, как вышел на пенсию. Старый чан, скорее всего, достался ему с места прежней работы.

Одержимая закричала не сразу. Монотонное чтение дяди Вити меня чуть расслабило, почти убаюкало. А потом там, на стуле, что-то зашевелилось. Девушка сидела ко мне вполоборота; к совету не смотреть ей в глаза я отнесся очень серьезно. И нисколько об этом

не пожалел. Крик раздался внезапно, и вздрогнули все – кроме дяди Вити. Седой мужчина склонился над сидящей, потому что та попыталась встать.

– Держите ее крепче! – прошептал сын знахаря, который стоял возле окна. – Если что, я пособлю.

Затем девушка завыла и перешла на тот самый кошачий, тонкий, пронзительный визг-плач. Я переслушивал эту диктофонную запись много раз, поскольку должен был ее расшифровать. Момент с визгом я сразу же перематывал, так как просто не мог его выдержать. В этих звуках нет ничего человеческого.

Знахарь опустил руки в чан и вынул почерневший от времени большой металлический крест, с которого капала вода. Он повернулся к извивающейся на стуле девушке и прислонил крест к ее макушке. Целитель переходил от шепота к напевному речитативу. Я автоматически определял в том, что он произносил, тексты молитв, псалмов, духовных стихов и заговоров.

«Да воскреснет Бог и расточатся враги его... От колдунов-от ведунов, от молодых-от старых, от глазливых, от ворона-каркана, от пух-мих, от старца, от старицы, от цыганских, шаманских, татарских, мордовских, русских. Унеси своей золотой стрелой в дремучие леса...».

Еще через несколько минут девушка замолчала, как-то обмякла на стуле, и дальше мы слушали только монотонный голос знахаря. Когда всё закончилось и благодарный отец (а кто бы еще это мог быть?) увел свою дочь, поддерживая под руку, мы уселись в сенцах пить чай. Сын быстро выпил две кружки вприкуску с бутербродами и убежал «прибраться». У дяди Вити был усталый, но довольный вид – как у человека, преодолевшего крутой подъем.

– Не любит Юрка этого, – старик кивнул вслед убежавшему сыну. – Раньше ему нравилось мне помогать, а с месяц назад как прорвало его: «Папк, черти меня измучили: снятся, мать их! Такое свинство кажут, аж волосы дыбом встают. Я такое, говорит, один раз только по кабельному в городе видел, порнуха самая гнилая!». И теперь его калачом не заманишь, когда вот эдаких привозят – с нечистью внутри.

Я давно хотел побеседовать со знахарем один на один, чтобы задать свои традиционные вопросы.

– Вот как у меня это началось всё, Леша, – об этом же спрашиваешь, да?.. Меня учил дед мой – Иван Трофимыч, хороший старик был. Я вот приду к нему, заберусь на русску печку, а он сядет на лавку рядом и калякает-калякает. «Вот, мол, Витенька, железные птицы будут по небу летать. Всё кругом тенётами зарастёт! Вода будет на вес золота». И правда: ведь самолеты лётаят? Так? А тенёта – вон посмотри: кругом же одни провода. Это вот он всё из Библии узнал, и мне пересказывал. А я на ус сижую да мотаю.

Первый раз за маленьким Витей заметили странности, когда ему едва исполнилось три года.

– Мать вспоминала: вот Белка, это наша коровка-кормилица, что-то прихворнула, а потом перестала подпускать. Не даёт доиться, хоть ты тресни. И вот мамка говорит отцу: «Ты попробуй сам, может, у тебя получится». И встала недалёчко, чтобы посмотреть, а меня на руках держит. Отец вроде сел с дойником, а Белка взволновалась, мычит, глаза кровью налились, того и гляди лягнет или запыряет. И мать мне говорила, я сам-то не помню, что я, дескать, зашептал: «Елка, Елочка! Тихо-тихо-тихо...» – я «Белка» тогда не выговаривал, «Елкой» звал. «Вот, говорит, ты, Витенька, шепчешь, а коровка поспокойше-поспокойше. И всё – как вкопанная». С тех пор нормально доилась. Так-то вот.

Трофимыч учил внука «и молитовкам, и заговóрам». Когда Витя в школу пошел – это уж после войны – то часто случалось так: мать думает, что он учится, а он у деда на печке другую науку постигает.

– Мать заглянет: «Папк, у тебя, что ли, Витька-то?». А дед меня на печке шмотьем всяким закидает: нет, дескать, Мария, не видел пострелёнка! Так вот он со мной и возился. Но недолго музыка играла. Мне годков девять стукнуло, а дедка на тот свет собрался. Я его и щас, Лёш, вижу, часто с ним беседую. Приходит-приходит, как же...

Когда Виктору Ивановичу было чуть больше пятидесяти, знахарю поставили диагноз: опухоль головного мозга. Случилось это под самый занавес Советского Союза, поэтому, быть может, его детям удалось поместить больного в какую-то московскую чудо-клинику. Сейчас бы просто денег не хватило.

– Вот лежу я там, лежу. Наверно, месяц лежал, анализами замучили. В палате нас четверо. И вот троим решают операцию сде-

лать: всё, готовьтесь – через пять дней. Я скорей медсестре коробку конфет подсунул, чтобы сыну старшему позвонить – Толику, он под Самарой живет. «Толик, – кричу ему в трубку, – бросай всё, езжай к тётке Зине в Васильевку. Спроси у нее насчет меня». Он и вправду съездил. На следующий день после обеда звонит, медсестра меня зовет к телефону. «Не делай, папка, операцию! Не делай! Тетка Зина говорит, что не врачечно это. Облепихой бы надо!».

Ну и всё: заартачился я. Отказную написал и домой засобирался. Ну меня выписывали, конечно, чтоб похоронить: «Езжай, дед, туды тебе и дорога. Захочешь вернуться – поздно будет. Койко-мест нет».

Я вернулся в сельцо свое, заготовил облепихи целый стог – и ну ее дуром пить. Каждый Божный день литрами глотал. А потом узнал: те двое из моей палаты, которые на операцию согласились, Богу душу отдали. Один сразу – прямо там, в клинике этой, другой позже – с полгодика протянул. А я уж тридцать лет небо копчу после московской больнички. Ну, Леша? Кому верить, кого слушать? То-то...

Три года назад старый знахарь чувствовал себя намного бодрее. Я к нему приехал в очередной раз в сентябре и наткнулся на амбарный замок, висящий на двери в тени крыльца. Расспросил соседей, оказалось, что дядя Витя с сыном Юркой подались в лес по грибы.

«Они надолго. Может, до самого вечера!» – меня это, понятно, расстроило. Соседка, заметив мое уныние, предложила: «А вы их в лесу поищите. Они обычно слишком далеко не ходят: ноги-то у Виктора никудышные. Вон в ту сторону от кладбища влево – вон туда они пошли».

Я вытащил из артезианских глубин багажника своей «десятки» резиновые сапоги и зашагал к кладбищу. Знахарь выбрал, наверное, лучший день в году для похода за грибами. Почти все листья еще сидели на ветках, но многие из них уже изменили зеленому с желтым, оранжевым и красным. Возникло то редкое настроение, когда до просветления, до слез радуешься обыкновенным солнечным лучам, веселым белым одеждам какой-нибудь молодой берёзки, запахам влажной земли.

На шее болтался старый Nikon, так что сразу же была объявлена фотоохота на самые заметные мухоморы. Где-то через час я услышал призывные крики. В голосе почудились знакомые интонации, и мои ноги мгновенно отяжели. Я ускорил шаги и вскоре увидел Юрку; встревоженный взгляд его черных глаз меня испугал.

– Отец куда-то делся, – сказал он, пожав мне руку. – Минут сорок дозваться не могу. Вот только что где-то сзади тёрся и – нету.

Мы решили разделиться, обменялись номерами сотовых, чтобы, если что, созвониться, и разбрелись в разные стороны. Я углубился на восток – в сторону Петрова оврага. По дну его тёк широкий ручей, переходящий местами в болото. Я нашел более-менее мелкое место и похвалил себя за то, что надел резиновые сапоги: ноги проваливались чуть ли не по щиколотку. Затем с большим трудом вскарабкался наверх по крутому склону. Раз в десять минут я нарушал тишину призывным: «Дядя Ви-итя! Ви-иктор Ива-аныч!». Но в ответ – тишина. Юрка тоже не звонил: это означало, что дело принимало серьезный оборот. Если мы не найдем старика до вечера, то ночевка в лесу на холодной влажной земле вряд ли прибавит знахарю здоровья.

– От ёшки-матрёшки да куда же всё делось-то!? – я услышал этот вопрос в тот момент, когда повернул обратно к оврагу. Дядя Витя сидел на поваленной сосне и пытался дрожащими пальцами раскурить сигаретину без фильтра. Рядом валялась корзинка с грибами.

– Дядь Вить, ты куда запропастился? – я шел к нему навстречу, широко улыбаясь: нашелся-таки!

Знахарь посмотрел на меня серьезно, будто на незнакомого.

– Ты, что ли, Лешка?

– Ну а кто же?

– Что-то глаза совсем запорошило. Но ведь такое щас видел, мил человек, закачаешься просто!..

– Да как ты сюда попал-то? – смеюсь я. – Мы же с Юркой пол-леса исшагали, тебя высматривая. Позвоню ему, чтобы не волновался.

– Ага, – кивает целитель и снова пытается разжечь сигарету. – Позвони-позвони. А потом расскажу тебе, где я побывал.

Юрка сразу понял, как нас найти, и обещался вскоре быть. Я уселся рядом с дядей Витей на сломанную сосну. Он глубоко затаился и выпустил дым в небо.

– Вот, Лешка, пошли мы по грибы. А я думаю: «Далеко шараться не буду, ноги больные, да и вижу плохо. Пусть Юрка вон побегаёт-пособирает». И тут гляжу: белый гриб. Потом еще один. Ну я нож достал и айда пошёл – режу и режу. Один за другим, корзинку набиваю. И вот очухался, глаза поднял, а круг меня... Вот не описать, Лешка! Красота такая, что дух у меня воспарил, как в церкви во время службы. Это я, когда старостой работал, любил слушать певчих на крылосе, ой, любил...

Смотрю: деревья все – вот ровно как золотые, аж сияют! Солнышко их выблестило так, что горят. Речка рядом течет – голубая-голубая. Птицы небесные поют-щебечут да так нежно и весело, что плакать хочется. А вдали – там где-то... Вот я в лесу сам, а даль какую-то вижу, горизонт. Чудо чудесное! Вот там вон – мост. Тоже сияет, будто радуга. Такой полукруглый, со старинными перилами, дивный. Хочется мне туда – горло светло судорогой, как хочется.

И только я туда двинулся, шагов двадцать прошел, а мне голос сверху: «Рано тебе еще сюда! Возвращайся, людям послужи!». Я замер, идти не могу, тудым-сюдым и – всё. Очкнулся – вот на дереве этом сижу. Курить вынул, а тут ты, Лешка, нарисовался...

Я слушал дядю Витю с интересом, но сам всё гадал: ну как, как восьмидесятилетний старик с больными ногами сумел перебраться через овраг? Конечно, привидеться ему могло всякое: может, плохо стало, может, сознание потерял. Но добрался-то он сюда каким образом?

Эту загадку не смог решить и Юрка. Он – местный, здешний лес знает как свои пять пальцев. Чтобы попасть на то место, где я нашел дядю Витю, нужно было либо карабкаться по крутому оврагу, либо искать более пологие места, которые начинались километрах в четырех отсюда.

– Ну не мог он сюда сам взобраться! Это чертовщина какая-то... – говорил мне сын знахаря, пока мы вдвоем с большим трудом, контролируя каждый шаг, переводили дядю Витю через Петров овраг.

А знахарь был весел и бодр как никогда и в сотый раз пересказывал свое видение.

– Вот течёт-бежит речка – ах ты Боже мой, какой красоты, ты бы видел, Юрка! И мостик вдалеке – всё блестит золотом, деревья чуть ли не до неба, птички заливаются. Вот красив наш лес, ничего

не скажешь, но против того, что я видел, – никакого сравнения! В раю я побывал, ребяташки. Бог сподобил меня...

Так он шёл и радовался, будто ребёнок. Мы тоже улыбались, смотря на его сияющее лицо. А уже на следующее утро он полностью ослеп.

Прекрасный лес с золотыми деревьями дядя Витя мог теперь увидеть только в воображении. Не до грибов, одним словом.

Глава 3.

– Дядь Вить, вот смотрите: на этой коробке три спички приклеено, это чтобы легче в туалет ходить по-большому. А на этом – одна спичка, вот пощупайте, – Катя вкладывает коробку в руку знахаря. – Это для нормализации давления, очень хорошее лекарство.

Старик морщится и отдаёт коробки назад. Моя спутница сама придумала эту систему с наклеенными скотчем спичками – и очень гордилась этим. Слепой целитель мог теперь легко определить, где какое лекарство.

– Да не надо мне, Катенька. Вот зачем опять приехала? Я уж помирать собрался, а ты меня мучаешь...

– Надо, дядя Витя, надо лекарства пить! Вот вы в последний раз по-большому в туалет когда ходили?

Целитель отворачивается и ничего не отвечает. Мы добрались до его избы около четырех вечера. Катя припарковала белый «Рено» у самого крыльца, а потом мы долго стучали в дверь – пока не слышалось шарканье старых тапочек знахаря.

Я молча осматриваю зал избы. С той поры, как я был здесь, многое изменилось: из мебели остались только стол и два стула; кругом грязь, пыль, разбросанные вещи. Стоит тяжелый запах плохо проветриваемого помещения.

Юрка умер полгода назад. Старший сын Федор давным-давно забыл дорогу к отцу: не звонил и не приезжал в родное село много лет. Знахарь остался совсем один и хотел только одного – поскорее перебраться к тем, кто уже по ту сторону.

– Я их всех вижу, Леша! Всех вижу. Они часто ко мне приходят – и мать, и брат, а теперь и сынок вот начал похаживать. Пора мне, пора: задержался я здесь, надо завязывать с этим... – дядя Витя охотно отвлекается на беседу со мной, потому что настойчивые вопросы Кати сильно его смущают.

Я его хорошо понимал: у моего родного деда, умершего десять лет назад, был такой же характер. Не мог он смириться с тем, что молодая, по его меркам, девчонка – пусть и врач – расспрашивала, давно ли он ходил в туалет. И дело не в мужской гордости, а в том, что внутри себя мы никогда не стареем. В этом весь секрет. Мы не успеваем и опомниться, как наше лицо покрывает сеть морщин, руки и ноги слабеют, волосы белеют. Годы утекают со страшной скоростью, и чем ближе к концу, тем быстрее и бурливее их поток. Именно поэтому на лицах стариков всегда блестят мальчишеские и девчоночьи глаза. К собственной старости невозможно ни привыкнуть, ни приспособиться.

– Эх, Леша... Знал бы ты, как я тоскую по Юрке моему! Ведь из-за меня, из-за знахарства моего сын-то и загнулся.

По официальной версии, у младшего сына приключился инсульт, но дядя Витя во всём обвинял себя. Знахарь на разные лады повторял одно и то же: якобы Юра взял на себя то, что кто-то из клиентов привез с собой «внутри».

– Порча, Лёш, никуда не девается. Вот мне дед мой, Трофимыч-то, такую штуку показывал. Взял он как-то раз репу – хорошую, крепкую, крупную. Подозвал меня и говорит: «Вот, Витенька, смотри внимательно!». И начал над этой репой шептать. Ага, долго-долго говорил что-то. А потом велел мне нож принести и прямо на лавке ее располовинил. И вижу: там внутри стержень черный в указательный палец толщиной.

«Это, – говорит, – порча такая. Вишь: на репе как проявилось чернотой. А теперь принеси-ка мне моток ниток». Принес ему, подал нитки – грубая нить такая была. Дед связал две половины репы, крепко-накрепко прикрутил. И – снова читать. Читал-читал, я уж устал глядеть на него.

«Теперь, Витенька, смотри...». И разрезает нитки на репе-то, а там этот стерженёк сделался узеньким, как спица, даже тоньше. «Вот. Порчу до конца не уберёшь: что-нибудь да останется».

Знахарь уверял, что тот, кто снимает болезнь, всегда немного «дерьма» берет на себя. С чертями же вообще – особый разговор.

– Я Юрке сто раз говорил: молитву особую и до и после лечения читать надо. Спать ложишься – зааминивай и окна, и подушку, и щели все в полу. Тогда нечисть в глаза лезть не будет. А он – мо-

лодой ведь! Где забудет, где рукой махнёт. Мне эти черти самому житья не дают: вот сядешь ужинать, а они начинают шебуршить под столом. Я иной раз, еще глаза когда хорошие были, отдёрну занавеску – вон ту, что кровать загораживает, а их там – тьма-тьмущая, сидят, ногами болтают, непотребством занимаются всяким...

Катя нашу беседу слушает вполуха, раскладывая лекарства на столе, стоящем под иконостасом. Иконы здесь были поменьше и победнее – не такие, как в той комнате, где знахарь лечил. Как только дядя Витя замолкает, она снова затевает разговор про свое – про медицину.

– А вот в прошлый раз, дядь Вить, я индапамид привозила – там без побочных эффектов, только оно еще мочегонное, правда. Его найти не могу. Вы пили это лекарство?

– Пил чего-то там! – раздражённо машет рукой старик. – Потом бросил. Без конца в туалет бегаешь, не хочу я его... А вы бы лучше мне черёмки где достали, а?

Знахарь вдруг оживляется, будто вспоминает что-то очень важное:

– Лёш, у нас тут возле речки, ну ты знаешь, – черёмка растёт. Вы бы сходили, мне веточек принесли. А? Благодарен был бы по гроб жизни!

Я киваю, потом вспоминаю, что мой собеседник слепой, и говорю:

– Сейчас прям пойду, дядя Вить. А то скоро стемнеет. Принесу. Каких вам – потоньше которые?

– Да любых, Леш. Мне любые сгодятся. Черёмка – хорошее деревце, меня всегда выручало.

К берегу я вышел не скоро: вроде бы помнил, где лучше подойти к речке, но всё упирался то в неудобные обрывы, то в топь. Быстро вечерело. Как выглядит осенняя черёмуха, я примерно представлял, но вот найду ли я ее в темноте – сомневался.

Катя сказала, что, пока я хожу за «дурацкими ветками», она обойдет соседей и попробует договориться, чтобы к Виктору Ивановичу кто-нибудь регулярно заглядывал: ведь слепому человеку даже сготовить себе сложно. На том и порешили – и разошлись в разные стороны от стоящего у крыльца белого «Рено».

Когда я наконец нашел удобный спуск, из-за горизонта выплыл широкий серп убывающей Луны. Под ногами шелестели опавшие

листья; почти голые ивы обступили берег со всех сторон. Несмотря на близость села, было очень тихо. Лунная дорожка слегка дрожала в вяло текущей воде. Иногда откуда-то слева до меня доносился одинокий собачий лай.

Мне захотелось присесть, чтобы послушать вечернее село. Всё равно назад в город придётся ехать в темноте, так что торопиться теперь некуда. Я поискал глазами черёмуху и, кажется, заметил два молодых деревца. Затем приземлился на толстый пенёк, оставшийся, вероятно, от векового тополя и закрыл глаза. Так легче было прислушиваться. Сколько я сидел – не знаю. Холода не чувствовал, так как прихватил с собой теплую куртку. От усталости или из-за тишины на меня накатила дремота; тело совсем расслабилось.

– Всё-таки зачем вам на самом деле нужен дядя Витя? – от неожиданности я дёрнулся в сторону и упал коленкой на корешок, торчавший возле пня.

– Блин! – я покосился на выросшую из-под земли Катю и, встав на ноги, принялся отряхивать колени.

– Ушиблись? – я едва видел ее лицо: единственный источник света – лунный серп – заслонили легкие облака. – Я не хотела вас напугать, Леша.

– Но вам это удалось, – проворчал я. – Незаметно как вы подошли.

– Я уже договорилась с Бочкаревыми – это соседи дяди Вити через дом. Там семейная пара, им лет по шестьдесят всего. Они готовы приходить к нему... За небольшую денежку, конечно.

Мы помолчали. Я вспомнил про черёмуху и сказал об этом своей спутнице.

– Подождите... Давайте на «ты»? Так легче просто, да? Леша, я задала вопрос – про Виктора Ивановича.

– Зачем он мне нужен? Станный вопрос. Я же рассказывал: мне такие люди интересны сами по себе... – я отметил про себя, что Катя сейчас говорит как-то по-другому, с совсем иными интонациями. Мне трудно было четко определить изменения в ее тоне, но первое, что пришло в голову: появилась настойчивость, я бы даже сказал – грубость.

– Да-да. Наука, как ты там всё говоришь: ан-тро-по-ло-гия? О-очень интересно! Я бы тоже могла так про себя сказать: зачем ты, мол, Екатерина Сергеевна, катаешься уж 20 лет по разным бабкам,

ночами не спишь, разыскивая объявления в дурацких газетах и на форумах? И ответить: ме-ди-ци-на всему виной. Кар-ди-о-ло-гия! Ха-ха! Смешно, Леша!..

Я всматривался в ее темное лицо. Ветер наконец-то сдул облака в сторону, и луна осветила глаза женщины – расширенные, блестящие. Я понял, что почти ничего не знаю о своей собеседнице. Год мы с ней общались по телефону, обсуждая здоровье дяди Вити... Что она там рассказывала про черную точку?

– Не совсем вас понимаю, Катя... – пробормотал я.

Что-то знакомое промелькнуло во всем ее облике, в том, как она смотрела на меня. Что-то *синее* было в Кате, и меня это по-настоящему испугало.

– Мы же договорились на «ты»? А чего тут понимать-то, Леша? Давай уж здесь, в темноте, всё проговорим, чтобы больше к этому не возвращаться. Окей? Не будем юлить друг перед другом и выпендриваться. Дядя Витя – не подделка. В нем есть настоящая сила, он – знахарь от Бога. И ты это прекрасно знаешь, и я. Так? Сейчас у него никого не осталось: один сын умер, другому – на всё пофиг. И он... – тут Катя улыбнулась, и я поднял брови от удивления, уже догадываясь, куда та клонит. – Виктор Иванович то бишь... Он – болен. Умирает. Жить больше не хочет, он же сам говорил. А дар-то, знания эти кому-то надо оставить, так ведь? Весь вопрос – кому?

Я молчал. Мне – как исследователю – эта ситуация должна была представляться крайне любопытной, даже забавной, но я ощущал себя так, будто мне холодным лезвием ножа водят по горлу.

– Что? Я правильно тебя раскусила, Лёш? А? Ведь ты тоже искал такую удачу, такое редкое стечение обстоятельств: чтобы и настоящий целитель, и передать чтобы некому было? А? Ну, признайся-признайся?! Нечего тут передо мной учёностью своей прикрываться!

Я вобрал в легкие вечерний речной воздух, пытаюсь собраться с мыслями.

– Катя, Виктор Иванович – удивительный человек. Я знаю его уже несколько лет, беседую с ним, записываю его...

– Я это слышала, чего сто раз повторять-то! – отчеканила та. – Эту пластинку можешь оставить для других – для кого там, я не знаю, – студентов, других ан-тро-по-ло-гов, фольклористов, кто там у вас еще? Но меня не обманешь... Я, Лёшенька, сама такая, – она

придвинулась ко мне вплотную; запах ее дезодоранта ударил мне в ноздри. – Сама поколесила – будь здоров. Столько лет, как дура, мотаюсь. Всё, хватит, хватит! Понятно тебе? Дядя Витя – мой. Мой! Я за ним ухаживаю, а остальным тут делать нечего. Ясно?

Я опять молчал. А чего тут скажешь? Диагноз налицо, как говорится.

– Думаешь, что я больная дура? Ну и хрен с ним, думай. Пусть я больная! А ты поживи с этим опарышем в башке столько, сколько я! А ты каждую ночь с гадостью этой нечистой побудь наедине! Когда он, оно лезет на тебя, кряхтит, сволочь, но лезет, а ты сделать ничего не можешь! Ты знаешь, когда я нормально спала в последний раз? А!? – Катя перешла на крик и вдруг зашмыгала носом. Потом закрыла лицо руками.

– Катя, я... И не думал претендовать. У меня... Я вообще для другого сюда приехал! – говорить с ней было бесполезно. Она отвернулась и, спотыкаясь, побежала обратно в село.

Темнота поглотила женскую фигурку мгновенно, я только слышал, как ее сапоги шуршат листьями, а затем стучат по щебню, которым были выложены окраинные улицы села. Затем я вынул складной нож из кармана и пошел к черёмухе.

Женщину в синем я увидел, когда мне было десять лет. Я точно помню свой возраст, потому что на день рождения мне подарили двухколесный – настоящий и взрослый – велосипед. Мы жили в Новом городе, окна девятиэтажки выходили в поле, за которым зеленели деревья лесопарка. Многие годы на небольшом пятачке этой ничейной земли появлялись и исчезали горы мусора и вагончики-бараки: там строили, бросали, затем опять начинали возводить мечеть, и каждое утро я просыпался под звукозапись утренней мусульманской молитвы.

С мальчишками мы гоняли на велосипедах к лесу и обратно до поздней ночи. Благо узкая дорожка, доходящая до первых деревьев парка, была заасфальтирована. Нашей ватаге этот маршрут никогда не надоедал, и мы никого не боялись. Как-то июньским вечером на пару с Андрюхой, толстым шестиклассником, самым старшим из нашей компании, мы рванули за мечеть. Знакомые девчонки рассказали, что видели там прямо на асфальте полуживого «ужика». Пропустить такое – равносильно потере смысла мальчишеской жизни.

Ужика мы не нашли, хотя осмотрели каждый сантиметр растрескавшейся дороги. Я уже сел на новенькое сиденье своего велика, как вдруг услышал испуганное: «Кто это, Лешка? Смотри, смотри!!». Андрюха показывал в сторону того участка поля, где оно переходило в лес. Что-то синее быстро перемещалось по диагонали, нацелившись в нашу сторону.

Заходящее солнце еще не погасило дневной свет, заливая розовым и красным облака. Лучи били ей сначала прямо в спину, но потом она чуть повернула – так, чтобы бежать прямо на нас. Я сидел на велосипеде, одной ногой опираясь на асфальт. Мой друг стоял в двух шагах, держа свой велик за руль.

К десяти годам я считал себя очень взрослым, и меня трудно было испугать. Заброшенные гаражи, темные подвалы и чердаки, ночной лес и вечернее кладбище – всё это давно освоено и пройдено. Девчачьи страшилки и истории про желтые глаза, красное пятно на стене, гигантскую мясорубку и мертвяков в шкафу вызывали во мне презрительную усмешку и сочувствие к тому, кто осмеливался болтать про такую чушь.

Но в тот момент костяшки пальцев побелели от того, как сильно мои руки вцепились в руль. Я забыл, кто я такой и зачем нахожусь здесь – на дороге, ведущей в лес. Когда солнце светило ей в спину, я видел лишь нечто темно-синее и бесформенное. Но когда угол зрения изменился, я понял, что это женщина. Длинные черные волосы лежали на плечах мертвой сетью: они не шевелились, несмотря на скорость ее бега. Темно-синее платье скрывало ее ноги полностью, по крайней мере я их не видел. Я точно знал, что поле – это сплошные кочки вспаханной, но так и не засеянной земли. Оно не обрабатывалось несколько лет; вспученное покрывало ссохшейся коричневой травы кое-где пробивала свежая зелень. По этой поверхности было трудно идти, не то что бежать в длинном платье.

Однако Женщина в синем не бежала, а мчалась, летела. Когда она повернулась, лучи заходящего солнца позволили наконец увидеть ее лицо – искажённое, бугристое подобие маски, в которой подбородок уплыл куда-то влево, а лоб вправо. Вместо рта – черная нора; наверное, она кричала, но мы ничего не слышали. Мне кажется, что глаз ее я тогда не увидел, но во сне – а снилась она мне потом часто – больше всего меня пугал именно ее взгляд. Он звал и говорил о чём-то таком, что я буду искать всю оставшуюся жизнь.

Из оцепенения меня вывел крик друга, который уже сидел на велике и крутил педали, как сумасшедший.

– Тика-ай! Тикай! Тика-а-ай! – и я утёк. Да так, что не помнил, как влетел во двор. Затем мы, задыхаясь, размахивая руками, смеясь, пересказывали увиденное друг другу. Через день об этом знали все наши знакомые. История дополнялась немислимыми подробностями: «синяя тётка» увеличилась до размера мечети, в конце концов Женщин в синем стало несколько – пять или десять. Пойти вечером «за мечеть» считалось теперь настоящим подвигом – и, честно сказать, мы с Андрюхой на этот подвиг не решались года два.

Самому себе я объяснял это по-разному – так же, как пытался оправдать исчезновение дренажной трубы и желтого вокзала в Нагорном. Возможно, кто-то просто так решил пошутить. Или нам почудилось всё это: мало ли на что способно детское воображение? Есть и еще один вариант – мы увидели нечто неопределенное, а затем напридумывали деталей, в которые сами и поверили. Обычное дело для подростков. Логично? Да, очень.

Но вся закавыка в том, что образ Женщины в синем начал преследовать меня повсюду – я узнавал ее в героях книг и картин, в мультфильмах и кино. Черт побери, дважды я замечал «тётку в синем» в телевизионной рекламе.

Когда я впервые лет в шестнадцать увидел одно из полотен Пикассо, сердце мое ушло в пятки. Думаю, что Пабло тоже встречался с ней в детстве, другого просто быть не может: уж слишком совпадают детали этой проклятой картины с тем, что смог разглядеть я.

Наяву, в реальности я увидел ее еще всего один раз, – и слава Богу. Слава Богу. Надеюсь, что та наша встреча – последняя.

«Рено» у крыльца стоял, но Кати в избе не было. Знахарь сидел на старом диване, уставившись в пустой экран неработающего телевизора. Я положил ветки черёмухи на стол.

– Всё правильно, пусть пока в тепле полежат. Черёмка – она тепло любит, – одобрил дядя Витя. Я спросил его про мою спутницу, старик пожал плечами.

– Не волнуйся, придёт твоя врачиха...

Знахарь повернулся в мою сторону и слепыми, красноватыми глазами посмотрел мне прямо в лицо.

– Леш, скажи-ка мне: как тебя угораздило с ней вместе приехать-то?

Я смущенно отвернулся от него. Дело в том, что я ему еще не говорил, что Катя узнала о том, где он живет, именно от меня.

– А-а, вон в чем дело... – неожиданно улыбнулся дядя Витя в ответ на мое признание. – Ну-ну...

Мы помолчали. Он снова уставился на экран телевизора, мне стало не по себе от тишины, которую нарушал лишь треск от горевших дров в затопленной печке-голландке.

– Ты ведь ее боишься, Лёш, Катю-то эту? А? Я же чувствую. Вот и мне не больно хорошо, когда она приезжает. Ведь мотается ко мне каждую неделю. Я поначалу лечил ее, вроде как получалось. А потом – вот ни в какую! Как об стенку головой. Не допускает меня что-то. Ну, думаю: кто сделал ей, ну испортил ее кто, – меня посильнее. А потом покумекал: не-е, думаю, не то тут что-то. И вот как вы ушли за черёмкой, меня будто обухом по голове. Допетрил, значит: Лёш, она ведь сама себя испортила-то. Бывает такое, точно говорю...

Он покряхтел, приподнялся на ноги и, протянув руку, точно попал пальцами в ручку кружки с водой. Сделал несколько глотков, а потом тяжело опустился на диван.

– Ей ведь надо от меня что-то, Лёша. Меня так просто не надуешь: стар я больно для такого, с людьми много калякал, знаю таких. Я ей сто раз говорил: «Катенька, не приезжай, не могу я тебя больше лечить!». А она: «Вы, мол, мне помогите, и я вам хочу за добро добром отплатить. Я ведь врач». Лёш, ей-богу, мучаюсь я. Скажи ей, чтобы не ездила больше!..

– Она, дядь Вить... Мы сейчас с ней общались, там, возле речки. Она мне сказала, зачем на самом деле к вам приезжает...

Старик поджал губы и сузил красноватые глаза. Я не успел договорить: он меня перебил.

– Ах ты, мать твою за душу! Дура баба... Ведь ей нельзя, не дано ей, – он закашлялся. – Ох, до греха вы меня доведёте, хоть руки на себя накладывай! Она думает, что это так просто: взял да отдал? Это же не каждый сможет тащить-то на себе! Да и зачем ей? Лёш, ведь у нее душа – слабая. Понимаешь, о чём я?

– Не совсем...

– Не совсем? Хрен ты учёный... – старик вдруг сморщился и поднёс правую ладонь к виску. – Лёш, дай-ка, там таблетки у меня.

Не те, что она привезла, а в коробочке у меня там. Белые такие, «Карвилол», что ли, какой-то. Мне фельдшерица принесла наша. Ага. Щас я... А то прям в висок давит.

Я дал ему красно-белую коробку, он выдавил себе в руку таблетку и забросил в рот. Потом допил воду из кружки.

– Щас отпустит... Мне тебе сказать надо, пока она не пришла.

Через несколько минут он снова взглянул на меня слепыми глазами и продолжил.

– Вот про Трофимыча, деда своего, я тебе рассказывал... Вот и он мог, и я так могу. Вот бывалоча шутил я: бабы соберутся возле колонки, начнут лясем-трясем разводиться, а я мимо иду. Они там смеются, чё ли, а мне обидно станет. Или если я утром с ноги не той встал – тоже вот такое мог сотворить. Короче, напущу на них: будто воды по колено, бурлит везде. Они визжат, подолы задерут, и кто куда. А мне – смешно вроде. Ага. Ну помоложе был, дурак, чё говорить...

Вот, Лёш, и Катя твоя такая: ведь ей палец покажи, она поверит и молиться этому пальцу будет. Стояла бы среди этих баб – первая бы прочь от воды побежала! А воды-то и нет, понимаешь? Нет воды. Доверчивая душа у нее, как воск податливая. Ей нельзя такое. Она вот, говорит, ездит, дескать, везде, лечится у бабок. А сама от каждой бабки дрянь цепляет. Они ей ненароком садят, поскольку знают: та всё возьмёт. Да еще спасибо скажет. Нельзя ей этим заниматься, нельзя и всё!

Я слушал его, чуть улыбаясь. Мне отчего-то сразу стало легче. Но улыбка сползла с моего лица, когда я взглянул на дядю Витю снова. Он сжал губы и покачал головой.

– Чего лыбишься-то, Лёшка? Ведь у тебя-то – еще хуже, чем у ней. Ведь и ты катаешься тоже?

– Так я ведь по-другому, дядь Вить...

– По-другому... – заворчал знахарь и завозился, как старая медведица, на диване; пружины заскрипели все разом, но тут же угомонились. – Может, и по-другому. Спорить не буду. Но вот что я тебе скажу: ты, Лёшка, тоже ко мне больше не приезжай. Понял? Я тебе запрещаю! Допетрил, почему? Или мне, старику, тебе мозги вправить надо?

Я почувствовал себя так, будто пришёл на экзамен, не выучив ни одного билета. Возникла и какая-то дурацкая обида, словно дядя Витя что-то мне был должен, но отказывался отдавать.

– Ладно, – старик тяжело вздохнул. – Я тебе скажу раз и навсегда. По душе ты мне, Лешка. У меня никого не осталось, умру – хоронить-то некому будет, ладно хоть денег припас на этот случай. Я тебе говорю, потому что добра тебе хочу. Не приезжай ко мне больше, слышишь? Умру – можешь приехать, проводить старика, землю бросить на деревянную крышку. А до этого приедешь если – с крыльца спущу, так и знай!

Я смотрел на него во все глаза; плечи мои передёрнуло от озноба, возникшего откуда-то изнутри. Я решил, что договорить нужно здесь и сейчас. Так, чтобы не думалось больше. Поэтому и задал этот вопрос.

– Передать... боитесь?

– Боюсь? Чего мне бояться-то? – знахарь усмехнулся. – Я-то таскаю в себе это с малолетства. Это тебе бояться надо. Слышь, Лёш?

Дядя Витя наклонился в мою сторону, и мне на миг показалось, что его голова заняла пол-избы. Лицо его исказилось, будто сверлящая боль в виске снова вернулась к нему.

– Я умираю. Это точно... Столько раз других провожал, что здесь и гадать не нужно. Мне только хуже становится, а тут ты рисуешься. Трудно будет умирать мне, ой трудно, я ведь сбросить всё захочу... Ты ведь не Катя, ты-то возьмёшь за милу душу, мне и делать ничего не придётся. Ну, желаешь этого? А?

Последние слова он почти прорычал; от боли его подбородок повело куда-то в сторону, и я побледнел, заметив, что лицо знахаря начинает походить на проклятую картину Пикассо. Я едва сдержал себя – так мне захотелось вскочить и убежать прочь. Как там кричал Андрюха? «Тика-ай!».

– Нет, дядь Вить, не хочу! – выдавил я наконец и впервые нажал кнопку «стоп» на диктофоне, не закончив еще беседы со знахарем. Привычка записывать от него каждое слово засела во мне намертво – как и детский обычай пялиться на небо при переходе через четырехполосную дорогу.

– Ну вот и хорошо. Рад я, что поговорили. Иди посмотри – может, пришла уж твоя Катя. Езжайте с Богом. Езжайте...

Сквозь лобовое стекло белого «Рено» я увидел женский силуэт. Как только я показался на крыльце, она включила зажигание и фары.

– Ты с дядей Витей не попрощаешься, Катя? – спросил я, открыв переднюю пассажирскую дверь.

– Я уж попрощалась. Позвоню ему еще сто раз. Ты едешь? Еще часа три до города пиликать, а завтра на работу.

Я сбегал назад в избу, взял свою сумку и обнял на прощание дядю Витю.

– Иди, иди. Я потом встану, запроу за вами... Катька-то и заходить не хочет? Вот и хорошо. Я и ей мозги вправлю еще. Шутки они шутят. Давай, давай, Леша! Звони, если что. И приезжай, когда я сказал. Не раньше, понял?

На обратном пути мы с моей спутницей, в основном, молчали. Заглянули в Барышэ в магазин и купили минералки. Остановились и у родника возле Порецкого.

– Он что: тоже тебе запретил приезжать? – спросила Катя, когда на темном горизонте показались пятна городских фонарей. Я кивнул.

– Ну и что ты теперь? Он каждый раз так говорит. А сам в помощи нуждается. Я врач, я это знаю. В следующие выходные я собираюсь к нему. Взять тебя с собой?

Я посмотрел ей в лицо и удивился: как эта девчонка могла меня так напугать – там, на берегу, рядом с большим пнем? Теперь я видел только худое, измученное лицо и тонкие, почти прозрачные пальцы, лежавшие на руле. И глаза – глаза отчаявшегося человека.

– Катя, не стоит к нему ездить, – говорю я. – Он не поможет тебе, и ничего тебе не передаст. Он мне сам сказал.

– Когда? – она резко ударяет по тормозам и останавливается на обочине, включив аварийку. – Когда он тебе это сказал?!

Перемена в ней происходит в считанные секунды: взгляд становится колючим, нижняя челюсть слегка выпячивается вперед.

– Мы с дядей Витей говорили об этом, – пока тебя не было.

– Он тебе всё пообещал, да? Ты хочешь себе всё хапнуть, так, Лёша?

– Да я...

– Выметайся!!

Я непонимающе уставился на нее.

– Вылезай из тачки, слышишь? Пошёл отсюда! – она закричала и вдруг ударила по клаксону. Машина загудела, как раненый слон.

– Всё-всё, я понял! Спокойно! Я только сумку возьму.

«Рено» рванул с обочины – да так, что в первые мгновения зад машины чуть прижался к асфальту. Я смотрел некоторое время на удаляющиеся габариты авто Кати, а затем мысленно благословил ситуацию.

До ближайшей остановки, где я мог бы поймать маршрутку, – всего три-четыре километра. Нужно ведь немного развеяться перед возвращением домой, в семью. Обочина четырехполосной трассы для таких целей – просто идеальное место. И я потащился в сторону города. Шёл, улыбаясь.

И не было рядом дяди Вити, который неодобрительно покачал бы головой.

Часть 2. Татьяна Сергеевна

В одиннадцать лет родители подарили мне кутенка-ризеншнауцера. Через четыре года Найда выросла в большую черную бородатую собаку, которая не любила лаять, но обожала появляться в темноте рядом со случайными прохожими и тем самым пугать их до полусмерти. Я гулял с ней по ночам без поводка – в том самом лесу, откуда когда-то выбежала Женщина в синем. Детское пространство «за мечетью» всегда влекло меня, как преступника – место преступления.

Перед самым входом в лес кто-то из собаководов установил широкое бревно на треножниках, вкопанных в землю. Такие обычно встречаются на площадках для дрессировки. Когда я гулял с Найдой, мы нередко останавливались там надолго. Можно было приклониться спиной к бревну и смотреть на звездное небо.

В тот раз я сделал это на автомате: любоваться звездами не хотелось; да и облака то и дело закрывали Млечный Путь. То, что я потом называл про себя «встреча», произошло так по-обыденному, что я до сих пор пожимаю плечами, когда слышу истории про НЛО. В том-то вся и закавыка, что человек, над головой которого сегодня зависла летающая тарелка, завтра поедет на работу. Вечером зайдет в супермаркет за хлебом-молоком, а потом усядется перед телевизором. А утром – снова на работу.

В битве чуда с повседневностью первое – всегда проигрывает.

Тарелка была больше похожа на маленький колышек, заостренный с одного конца. Сначала она скользнула в сторону города, затем вернулась к лесу и зависла, как мне показалось, прямо над моей головой. Размеры ее я оценить не мог, потому что летела она, скорее всего, слишком высоко.

Затем было еще несколько быстрых перемещений «город-лес», и – всё. Колышек исчез. Я углубился с Найдой по знакомой тропе, стараясь не выколотить глаза случайной веткой. Когда вернулся, поднял голову вверх и не увидел звезд вообще: облака закрыли свет космических странников.

В общем-то, ничего особенного потом не произошло. Ну, на ночное небо я стал глядеть чаще. Намного чаще. Перечитал все доступные мне книжки по этому поводу – почти все дурацкие и скучнейшие. Подсел на сериал «Секретные материалы»: в те годы как раз вышел первый сезон.

Спустя десятилетие я стал записывать истории про встречи с НЛО уже как фольклорные тексты, выстроив крепкую стену научных терминов между собой и воспоминанием о «встрече».

Ну и... Ладно, признаюсь... Чёрт побери, когда они уже там прилетят снова? Сколько их можно ждать?!

Глава 4.

– Я поклялась, что больше никогда об этом не расскажу. Налетела один раз на грабли, больше не хочется... Но, Леша, тебе всё-таки опишу этот случай. Ведь трудно в себе это держать, ни с кем не поделиться... – Татьяна Сергеевна слабо, как-то болезненно улыбается. И спрашивает меня, хочу ли я еще чаю с брусничным вареньем. Я не отказываюсь: брусника здесь – ум отъешь. Да и места сказочные: Юлóво озеро всё-таки.

Моя собеседница работает учительницей в местной школе. На вид ей лет пятьдесят. Если бы она завязала на своей голове светлый платочек, под стать цвету ее волос, то точно стала бы похожа на послушницу в женском монастыре. Из тех, что поспешно прячут взгляд при виде постороннего и стараются поскорее вернуться к своим иконкам, грядкам и вязальным спицам.

– Я тогда в саду что-то делала, наверное, картошку окучивала. Свечерело быстро. Поднимаю глаза, а она – там, на небе, прямо

над головой. Крупная такая звёздочка, переливается белым и голубым. Других звёзд пока не видно: еще не так сильно стемнело. А эта – прям как жемчужинка, поблёскивает и немного двигается: туда-сюда, туда-сюда.

Учительница наливает мне из белого, с нарисованной на боку ягодой чайничка медово-коричневой заварки, потом добавляет кипятка и пододвигает брусничного варенья в прозрачной «розетке». Я зацепляю маленькой ложкой сладкой брусники и отпиваю из чашки.

– Ну как, вкусно? Тут такие места, такие места! Дышишь воздухом и надышаться нельзя. Приезжай к нам почаще, Леша.

Я киваю и жду продолжения рассказа. Диктофон, лежащий на столе, подмигивает крохотной лампочкой; цифры-секунды поспешно меняют друг друга на его экранчике.

– Я сначала как-то не обратила на нее особого внимания. Думаю: «Ну, наверно, планета какая-нибудь – Венера или Юпитер». Их ведь сразу-то не отличишь, где звезда, а где планета. Повозилась еще немного, собрала инструмент – мотыгу и лопату с ведрами. Поднимаю глаза, а она – приблизилась. В четверть Луны величиной. Такая узенькая тарелочка. Я рот раскрыла и смотрю на нее, глаз не могу оторвать. И даже нет мыслей про то, чтобы за телефон схватиться, заснять там что-то. Ничего подобного. Смотрю и смотрю. Никаких особых чувств... Как я добралась до кровати и уснула – не помню.

На следующее утро я и забыла про всё. Летние каникулы вроде, но дел по дому – уйма. Мы тут ремонт в терраске затеяли, красить, обои клеить. Суета, в общем. И вот часов десять вечера, наверное, уж закругляться надо, ужинать да спать. А меня вот будто кто-то тянет в сад. Накинула куртёшку, вышла и глаза сразу к небу подняла. На месте моя звёздочка. Блестит, переливается. Не знаю, сколько я так простояла. Устала и спать пошла.

И вот с тех пор у меня началось: каждый вечер выхожу, люблюсь. Я никому сначала не рассказывала, даже мужу с дочерью, – боялась, что засмеют. Я ведь с ней и разговаривать стала, песни даже ей пела. Вот работаю в саду или просто сижу, вынесу стул, поставлю под яблоню и – смотрю. Общаюсь с ней.

До того я, Лёша, к моей звёздочке привыкла и привязалась, вот как к живому существу – к котёнку какому-нибудь. Не могу уже без нее...

Дочка это дело просекла, конечно. Я ей по секрету всё рассказала. Она пошла со мной в сад вечером, смотрела-смотрела, а потом говорит: «Мам, звезда это обычная. Самая обыкновенная. А то, что она перемещается немного туда-сюда, так это кажется всё – из-за атмосферы. Я, говорит, читала про такое в интернете». Я с ней и не спорила. Ну пусть обыкновенная звезда, пусть. Но я уже не могу без неё, как родная она мне стала.

Дочь только головой качает: «Свихнёшься ты, мамка, с этой звездой. Брось к ней ходить!». Но какой там! Я вечера дожждаться не могла, бегала к ней на свиданку, будто к парню молодому...

Татьяна Сергеевна встала из-за стола, взяла с полки свой смартфон и показала мне фото – черноту с размазанными светлыми точками.

– Вот она! – ее палец со сломанным ногтём указывает на одну из точек; по мне, так они все одинаковые. – Правда, замечательная?

Я киваю и снова принимаюсь за брусничное варенье. Учительница кладет смартфон на прежнее место.

– И вот я, дурочка, не смогла сдержаться. Какое-то у нас собрание в школе было: конец августа, начало учебного года, что-то обсуждали. А я возьми и ляпни там про свое сокровище. Рассказала-то двум-трем коллегам – вроде как подругам. А они по всей школе разнесли, на смех меня подняли: «Смотри, Танька, заберут тебя эти непланетяне-то!».

Я огорчилась, конечно, иду назад домой и плачу: «Ну зачем рассказала? Почему не сдержалась?!». Не могла в тот день вечера дожждаться, раз пять выбегала в сад. И вот темнеет-темнеет, а ее всё нет и нет! Я сама не своя. Одеюсь поплотнее, уселась в саду на стул и решила, что заночую здесь, все глаза прогляжу, но звездочку мою увижу.

Ага, как же, дождалась... Ни в эту ночь, ни в остальные – ничего не было. Пропало мое сокровище, пропало из-за моей же глупости. Как я убивалась, ты бы видел, Леша! Муж не поймёт, что со мной, дочка не знает, как утешить. А я хожу, будто медведь-шатун, из стороны в сторону, слёзы текут по щекам, словно вода. И не могу себя в руки взять.

– И не появилась больше? – спрашиваю я, а у самого внутри дрожит всё и откликается каждому слову рассказчицы. Мне ли не знать,

что такое ходить по ночам на одно и то же место и до боли в шее всматриваться в небо? Дождёшься их, как же! Держи карман шире...

– Нет, – учительница вздыхает и смотрит в окно, за которым начинается вечереть. – Не видела я ее больше. Да и не хочу уже, Леша. Может, и к лучшему, что ушла она. Я хоть успокоилась, делами своими теперь могу заниматься, на работу ходить. Я ведь много думала про это, анализировать пыталась. Теперь мне кажется, что ни к чему хорошему не привела бы такая зависимость: я ведь как наркоманка стала. Ничего мне не нужно – ни семьи, ни школы. Только бы сидеть да разговаривать с ней.

Я киваю в ответ и решаю, что пора менять тему беседы. Однако она вдруг выдает продолжение, от которого у меня захватывает дух.

– А у подруги моей тоже вот случай. Натальей ее зовут. Мать у ней лежала года два парализованная. Ташкин муж запретил ее домой брать, так что она в своей избе лежала, благо недалеко бегать было. Я ей тоже иногда помогала: Наталья позвонит, попросит, я зайду туда, к ее матери, приберусь, покормлю. В дом престарелых или в больницу подруга категорически отказывалась ее везти. Фельдшер приходила к ним раз в месяц, лекарства какие-то выписывала. «Мать это моя, и умрёт она на моих руках. Не отдам!» – и всё.

Да только так случилось, что тётя Света, мать-то Наталья, умерла на моих руках. Да, угораздило меня тогда к ней пойти. И с тех пор началось...

В тот вечер Татьяна Сергеевна торопилась: мужа надо было собрать в командировку, он уезжал почти на неделю в Санкт-Петербург. Мать подруги и до болезни не считалась общительной, а после того, как слегла, вообще говорила редко, отвечала односложно.

– И вот вожусь на кухне: супчику, что ли, разогреваю, чтобы похлебала она, и слышу – хрипит: «Тань! Та-ань!». Я бегом к кровати, а у тётки Светы уж глаза закатываются, одни белки видать. Пока звонила, пока что – она уж и дышать перестала. Я в слезы, по щекам ее ударяю. Да где уж там! Наталья прибежала – нет ее матери. Вызвали фельдшера для освидетельствования, а сами сидим – ревём.

Дней через десять после похорон в угол избы учительницы кто-то сильно ударил. Было двенадцать ночи, муж Татьяны Сергеевны выскочил – никого.

– А вернулся он какой-то бледный: сам не свой. Я заметила, давай его пытаться, он молчит, как партизан. И только через два дня

раскололся: «Увидел я, Тань, как искра летит. Шарик такой огненный. Сначала над домом тети Светы покрутился, а потом – к Сотниковым помчался. И там прямо над крышей развалился у них – целый сноп искр». Сотниковы – это Натальина семья, по мужу у них такая фамилия.

Я бегом к подруге и давай ей мозги промывать. У меня, слава Богу, бабка знала про такое: кто это летает и зачем.

«Ты, говорю, Наташка, в своем уме: ты зачем такое делаешь? Зачем мать привечает?» Она – в слёзы. «Не могу, – отвечает, – Тань, с собой ничего сделать. Каждый день плачу по ней, на могилу хожу. Вот когда она парализованная лежала – я как будто охладела к ней, устала от нее, от ее молчания. А теперь как прорвало меня, виноватой чувствую себя. Ведь лежала она в своей избе одна-одишенька целыми днями и ночами. Чего я там: приду на полчаса и убегаю...».

Я ее ругаю на чем свет стоит. «Это к тебе летуны летают, говорю. Убьют тебя ведь: нельзя плакать сильно!». Она кивает, а я по глазам вижу, что не послушает она меня. И точно.

Однажды иду вечером с работы. Что-то задержалась в школе, продлёнка и совещание, в общем, уже после семи возвращалась. А темнеет в ноябре рано, фонарей у нас три штуки на всё село. Иду и вижу: поднимается с той стороны, где кладбище, шар вот с хороший кулак величиной. А за ним – как хвост. Вот после кометы тянется такой шлейф, и здесь то же самое. Поднялся он и – юрк к Сотниковым.

«Ну, – думаю, – держись, Наталья! Я тебе сейчас устрою головомойку!».

Зашла к ним во двор: у них открыто, собаки нет. И слышу какой-то разговор. Да не в избе, а вот в сараюшке напротив. Пригляделась: лампа горит. Подхожу и слышу: «Мамка, ну не пускает он меня! Ругает! Я бы с радостью к тебе ходила, да Федька не дает!». А Федька Сотников – это муж ее. Я его как-то в сторону отвела и говорю: «Ты следи за Наташкой-то! На кладбище ее пореже пускай. Дождётся, шандарахнет мать ее чем-нибудь, и жену ты потеряешь...».

Да и понятно, что ведь не мать к ней ходит, а нечисть, привидение. От них хорошего ничего не жди. Мне бабка про это много рассказывала.

И вот как услышала я Натальин-то голос из сарая, у меня – дрожь по всему телу, аж волосы на загривке встали, руки не слуша-

ются! Но и любопытство меня разбирает. Я ведь, Лёш, тоже, как и ты, вот этим всем интересуюсь: даже «Битву экстрасенсов» смотрю. Ты смотришь?

Я отрицательно мотаю головой и жду продолжения рассказа. Учительница косится на мой диктофон и понимающе кивает.

– Подошла я поближе, щель нашла в стенке, да так удачно: всё как на ладони. Стоит Наташка боком ко мне, пялится в тёмный угол и болтает без умолку. Другого голоса я не слышу, нет никаких ответов, чудится ей всё это, понятно. Она уж и плачет, и просит ее, и по-всякому. Я подумала-подумала и решила уйти: если зайдёшь сейчас, перепугаешь ее насмерть.

Моя собеседница замолкает и снова смотрит в окно. На улице уже совсем темно, пора мне закругляться и возвращаться в город.

– Так и чем всё это закончилось? – спрашиваю я учительницу.

– А ничем. Вроде бы постепенно у нее на нет сошло. По крайней мере, шаров огненных больше никто над ее домом не видел. Наталья, кстати, сама стала похожа на свою умершую мать – молчаливая, угрюмая. Мы с ней сейчас намного меньше общаемся. Но, наверное, переборола она как-то тоску свою...

Я киваю, и мы прощаемся. Прощаемся не насовсем, потому что много чего еще осталось нерассказанного – и это несмотря на то, что встречались мы с ней уже трижды. Татьяна Сергеевна ждет меня и в четвертый раз: у нее есть одна интересная идея.

– Мы и клюкву, и чернику здесь собираем, надо просто места знать. Вы от комаров-то средство взяли? Замучают ведь! – Татьяна Сергеевна одета по-походному: болоньевая куртка бледно-оранжевого цвета, резиновые сапоги почти до колен и небольшой рюкзачок за спиной. На голове – платок, завязанный сзади. Она даже в оранжевой куртке напоминает монашку или паломницу, собравшуюся посетить святые земли. Моя экипировка похожа, ведь гид меня предупредила заранее.

Мы идем вчетвером – она, я, ее шестнадцатилетний племянник Толик и Черныш, чистопородная дворняга с торчащими вверх ушами. Пока любуемся красотами озера, учительница перечисляет местные чудеса: провал, чертовы ямы-вонючки, Моховое болото и «страшное место», где раньше стояла мельница.

– Если уж вы занимаетесь этим всем, то вам сам Бог велел побывать здесь. Тут иногда такое происходит – волосы дыбом встают!.. – моя провожатая идет вслед за своим молчаливым племяшом, который, по ее словам, излазил здесь всё вдоль и поперёк.

Я примерно представляю, о чем она говорит, так как местные СМИ не раз писали о странностях Юлова озера. Тут стандартный набор туристических достопримечательностей: бездонные провалы якобы от метеоритов, целебные родники, НЛЮ, которые прилетают сюда чуть ли не каждую неделю, – видимо, чтобы оттянуться на выходных. Жители села этой славы не чураются, а наоборот сопровождают журналистов, рассказывают о том, что слышали. Так что наш поход вполне вписывается в общую «парадигму».

Я охотно согласился на предложение Татьяны Сергеевны пройти сначала в сторону почти вымершей Дубровки, а затем – если повезёт добраться засветло – посмотреть и здешние болота. Меня привлекли, конечно, не природные красоты, а рассказы, на которые мой гид точно не поскупится дорогой.

– Нет ничего лучше леса, Лёша. Знаешь, как он меня заряжает – особенно вот перед полнолунием! В полнолуние меня прям гнёт, мостиком выгибает, так и тянет ночью из дома убежать к озеру. А потом хочется всё это отдать: я скотину глажу, детей на руки беру, особенно вот больных которые. Все успокаиваются и легче себя чувствуют. Тут закон простой: Божье забрал, Богу и верни.

На берегу видны небольшие строения – это, вероятно, санаторий или детский лагерь. Местные мне говорили, что тут есть нечто подобное. Но вся эта здравница и житница уже давно пережила свои лучшие времена.

О том, что учительница лечит, я знал и раньше. Но вот про то, что ее «гнёт» в полнолуние, я еще не слышал.

– Так это же сон у меня был в детстве, видение. Я разве тебе не рассказывала? Мы с родителями в Юлово из-за этого и попали... – черно-серебристая гладь озера в последний раз показывается из-за деревьев, а потом мы углубляемся в лес к родникам; Черныш бежит впереди. – Ну, точнее, не из-за этого, конечно. У меня в детстве туберкулез приключился, родители замучались меня по больницам таскать – я уж вся прозрачной сделалась. И вот однажды я заснула, а мать добудиться меня не смогла (это она мне потом сама рассказывала). Переполошились все: отец скорую вызвал, мать по щекам

меня бьет, водой брызгает, а я лежу – и едва дышу. И вот вижу во сне озеро – такое красивое-красивое. Облака наверху светло-сиреневые, по берегам – волшебный лес, отражающийся в воде-зеркале. А на берегу стоит монах – ну, человек в чёрном. Я его не боюсь совсем, наоборот, мне к нему хочется. Подбегаю к нему, спрашиваю: «Дядя, дядя, а что это за место такое?». Он посмотрел на меня так по-доброму, но с какой-то печалью в глазах. И отвечает: «Это Юлово озеро, дочка. Хочешь грудку поправить – приезжай. Всем места хватит». И очнулась я. Такой вот сон.

– И вы из-за этого сюда приехали? – интересуюсь я и посматриваю на диктофон: пишет ли?

– Ну да. Когда я очнулась, вижу: мать плачет, целует мне руки. А я ей говорю: «Мама, а где такое – Юлово озеро? Мне дядя сказал туда ехать». Мы в то время в Самарской области жили. Оказалось, что в Юлово как раз детский санаторий для туберкулезных больных. Не знаю: может, я где-то слышала краем уха про него – вот и приснилось мне. Родители до такого состояния были доведены, что за любую соломинку цеплялись, вот и поехали сюда, не раздумывая.

Черныш лает за деревьями, и племяш сообщает, что скоро мы выйдем на провалы – ямы-вонючки. В свежий лесной воздух добавляются нотки неприятного запаха тухлых яиц. Толик опережает нас на несколько десятков шагов, потом мы слышим его голос: «Идите сюда! Тут лучше всего видно».

Знаменитые провалы представляют собой большие круглые лужи-болотца, частично покрытые травой и хвоей. По слухам, эти «чёртовы колодцы» очень глубокие.

– Сюда метеориты свалились, дыры пробили – это еще в древности! – авторитетно говорит Толик. Я в ответ киваю. Татьяна Сергеевна добавляет, что здешняя вода очень полезная, так как в ней много сероводорода.

Я про себя думаю, что неплохо было бы узнать, что пишут про здешние болотца географы-геологи. Запах усиливается, хочется поскорее убраться подальше отсюда. Мои провожатые предлагают идти к родникам, и я поспешно киваю.

– Я тут однажды заплутал – часа три, наверно, проходил. Слава Богу, хоть Черныш со мной был, не так страшно было, – рассказывает племяш. Сероводородный запах остался позади. Лес густеет, лиственные деревья уступили соснам.

В предыдущие встречи юловская хозяйка несколько раз упоминала о своей собаке – в основном, как раз по поводу походов за ягодой или за родниковой водой. «У меня с Чернышом – как связь. Я чувствую, когда ему плохо, а он – лечит меня, если заболēju», – уверяла меня учительница.

Остроухая дворняга оказалась родом из города: Татьяна Сергеевна подобрала небольшого черного кутёнка на автовокзале, когда возвращалась в Юлово с какой-то городской педагогической конференции. Собака и вела не совсем сельский образ жизни: ее часто пускали в избу; зимой она вообще меняла дворовую конуру на хозяйский зал.

По дороге мы то и дело нагибались за ягодами. Попадались и брусника, и лесная клубника и даже необычная для этих широт черника.

– Я здесь собираю и зверобой, и душицу, и таволгу. А потом завариваю – и сама пью, и всех соседей пою чаем на травах. А вот весной беру почки березовые, корень лопуха и листочки брусничника. Это всё полезная травка. Я ведь «ЗОЖ» выписываю. Лёш, ты «ЗОЖ» читаешь? Нет? Зря, полезная газета.

На родниках мы пробыли минут двадцать. Они бьют здесь из-под земли в разных местах и образуют небольшой водоем. Потом мы отправились в сторону Мόхового болота, но в тот день так и не смогли туда попасть. Наши планы и маршрут резко изменились после того, как из-за деревьев вынырнул Толик. Они с собакой то опережали нас, то отставали; мы с Татьяной Сергеевной не спешили вперед, увлечённые беседой.

– Надо бы привал сделать, подкрепиться пора, – предложил племяш. – Вы, кстати, Черныша не видели? Куда-то убежал, дозваться не могу.

Сначала Татьяна Сергеевна не обратила внимания на пропажу собаки: Черныш знал эти места не хуже остальных моих гидов. Однако минут через пятнадцать, когда мы нашли удобную полянку для трапезы, она забеспокоилась.

– Черны-ыш! Черны-ыш! Куда он делся? Вы пока здесь разложите покрывальце и вот на газеты можно – там яйца вареные, колбаса, помидоры. Я пойду позову его.

Мы с племянником умяли по два бутерброда. Толик успел рассказать занимательную историю про то, как они с другом ходили на «страшное место».

– Это там, где мельница раньше стояла. Сейчас почти ничего не осталось. Вот, говорят, если ночью прийти туда, постоять с закрытыми глазами, то можно старого мельника увидеть. Но это байки, конечно. Я там был глубоким вечером – ничего не привиделось.

Вернулась Татьяна Сергеевна совершенно расстроенная: собаку она не нашла. Мы решили, что настала наша очередь искать.

– Тётъ Тань, ты пока поешь, а мы пройдемся, покричим его! – предложил Толик, но учительница покачала головой. Уголки губ ее опустились вниз, глаза потухли.

– Я чувствую, Толь: что-то не так. Кушать всё равно не смогу. Давайте искать, мальчики! Беда просто...

Мы разделились: Толик пошел по каким-то едва заметным тропам вправо, моя спутница решила вернуться к родникам. Я зашагал следом за ней, поскольку лес знал плохо. Мы искали полтора часа и в конце концов двинулись назад в село.

– Может, он к избе прибежал? – с надеждой спрашивала хозяйка собаки. – Черныш умный пёс.

– Да, конечно, тётъ Тань, куда он денется? Он сто раз был здесь, каждый куст знает, – успокаивал племянник. Но я видел, что лицо Татьяны Сергеевны мрачнеет с каждым шагом всё больше.

Когда мы обогнули озеро и вышли на сельскую улицу, она вдруг разрыдалась.

– Его нет, нет! Понимаете? Я его совсем не чувствую... Толь, ну как так возможно? Его в болото, что ли, затянуло?

Через два часа за окнами стало совсем темно. Мы всё это время сидели с Толиком в терраске; его тетка, сославшись на головную боль, ушла в зал. Мы оба знали, что она сидит там и смотрит в окно, стараясь разглядеть черную четвероногую фигурку.

Я тоже очень ждал Черныша: не хотелось уезжать из Юлóва в таком настроении. Меня терзало и чувство вины – ведь если бы не я, возможно, они и не пошли бы сегодня в лес.

– Он уже не вернётся, Леша. Я это знаю... – я зашел к ней попрощаться и увидел, что Татьяна Сергеевна сидит за столом, на котором стояли три зажженных свечки. – Я карты раскинула на Черныша: все смерть показывают. Как такое возможно – не знаю. Ведь ни визга, ничего не слышали...

Мы помолчали, а потом я принялся извиняться, но моя собеседница в ответ только рукой махнула.

– Лёш, ты тут ни при чем! Так уж суждено ему было. Я еще не разобралась до конца, что к чему. Но думаю, что случайностей не бывает. Ты не переживай: за Черныша и без того есть кому поплакать. Главное, чтобы другого чего плохого не случилось. Это ведь как жертва, как предупреждение. Черныш взял на себя что-то негативное, если бы он не погиб, может, с нами плохое что-нибудь произошло.

Я кивал, но очень надеялся, что она ошибается, и дня через два, когда я позвоню в Юлово, Татьяна Сергеевна порадует меня хорошей новостью про вернувшуюся из леса дворнягу. Но учительница оказалась права: Черныша мы больше не увидели.

Глава 5.

Про это я не рассказывал еще ни одной живой душе и сам старался забыть о случившемся. Но после пропажи дворняги я не мог не вспомнить про свое... увлечение. Слова Татьяны Сергеевны о жертве и предупреждении занозой засели в моей голове.

Фары высвечивали темные куски асфальтовой дороги; Юлово осталось далеко позади – вместе со своими тайнами, чертовыми колодцами и плачущей женщиной со светлыми волосами.

В памяти сами собой всплывали картины другой ночной дороги. Там тоже была черная собака – ризеншнауцер Найда. Она бежала впереди, иногда полностью растворяясь в темноте, затем выныривала откуда-то сбоку. А я шёл, шёл и шёл. В кармане моей куртки лежал небольшой фонарик, а в руках болтался пакет с толстой книгой. Сколько мне тогда было?.. Лет четырнадцать? Нет. Уже, наверное, пятнадцать. Да, пятнадцать. Я направлялся к двум старым крестам, торчавшим из-под земли совсем недалеко от темной волжской воды. Страх я не чувствовал, наоборот – какое-то внутреннее возбуждение, – то самое волнение, которое ощущает человек, приобщающийся к чему-то запретному и таинственному. Что и говорить: я был тогда подростком и... дураком.

Слава Богу, книгу, лежавшую в пакете, я потом сжёг. Акт бессмысленный, но он принёс мне хотя бы временное облегчение.

Мой детский интерес к таинственному, эзотерическому родными и близкими не поощрялся и не запрещался: они просто об этом не знали. Я прочитал к пятнадцати годам много, очень много такого, чего читать совсем не стоило. Большая часть этих книг – популярных, наспех изданных – были родом из 90-х годов, когда страну, где раньше подобные темы запрещались, вдруг захватила волна первобытного интереса к экстрасенсам, шаманам, астрологам, гадалкам, колдунам и знахарям.

Книжные развалы были забиты «Советами сибирских знахарей», большими и малыми книгами заговоров; переиздания сонников 19-го века соседствовали с высосанными из пальца «Путешествиями в астрал», «Тантрическим сексом» и руководствами многочисленных мастеров по НЛП, картам таро и гипнозу. Я глотал всё это без разбору, что-то опробовал, затем забывал и переходил к новым «Тайным доктринам» и «Белым богиням».

В одной из них – кажется, это был очередной толстенный том «Заговоров сибирской целительницы» – я нашел главку, которая называлась примерно так: «Как стать колдуном» или «Старинный обряд посвящения в колдуны». Как я сейчас понимаю, автор этого нетленного труда что-то надёргал из переизданий Ивана Сахарова, что-то – из современных популярных книг; возможно, подключилась и фантазия, приправленная фильмами. Дело совсем не в этом. Соль в том, что я решил это всё выполнить. Дословно и пошагово. Зачем? Сложный вопрос. Вероятно, ради расширения опыта.

Если коротко, нужно было ровно в полночь оказаться возле заброшенной могилы. Стоя над ней, прочитать длиннющий – страницы на три печатного текста – заговор, который, видимо, был комбинацией самых различных текстов – выдуманных и действительно записанных в свое время фольклористами. Где найти заброшенные могилы, я знал: берег Волги был избеган-изведан мной вдоль и поперек. На одном из холмов метрах в двухстах от белых барашков волн, ласкающих береговой песок, скрывались в траве три или четыре могильных холмика.

По слухам, там когда-то располагалось сельское кладбище – возможно, еще до того, как воды Куйбышевского водохранилища похоронили под собой множество сёл, церквей, заливных лугов и людских надежд. Выйти из дома ночью тоже было проще простого: с Найдой я часто гулял именно в эту пору.

Я ждал почти неделю подходящей погоды – так, чтобы меня не накрыл по дороге дождь или сильный ветер. Заранее припас свежие батарейки для фонарика и пакет для книги с заговорами. Дорога к Волге проходила через строительную свалку; потом нужно было идти полем и через лесопосадку. С большой черной Найдой я всегда чувствовал себя уверенно и безопасно. Однако чем ближе я подходил к Волге, тем реже показывалась рядом с моими ногами собака. В конце концов я взял ее на поводок; шнауцер шел вперед неохотно, хотя обычно собаке нравились походы к реке.

Когда свалка закончилась и кроссовки подняли вверх сухую пыль полевой тропинки, мне захотелось включить фонарик. Как только я это сделал, тьма сгустилась, словно сметана. Какие-то тени заплясали по полевой траве и ближайшим деревьям. Я посветил на наручные часы – 23-20. Тогда я заставил себя выключить свет: я боялся, что мне не хватит энергии, чтобы прочитать текст из книги. Батарейки, купленные мною в газетном киоске, были самыми дешевыми: на другие у меня просто не хватило карманных денег.

В общем-то, особого страха я не испытывал, поскольку, как уже говорил, привык к ночным прогулкам по лесу. Тревожило меня лишь странное поведение Найды: она жалась к ногам, словно дворовая шавка, и то и дело порывалась сесть, чтобы не идти дальше.

Вскоре лесопосадка полностью закрыла желтый свет от далеких городских фонарей и окон. Это к лучшему: глаза быстрее привыкли к темноте; к тому же из-за облаков показалась половинчатая луна. Ее желто-серый свет позволял хорошо видеть полевую тропинку и наступающий на меня слева лес.

Темно-синее платье, мелькнувшее среди деревьев, я заметил, когда до заброшенных могил оставалось минут двадцать ходу. Я резко остановился; в висках запульсировала кровь. Найда села в пыль и повернула голову в ту сторону, куда, не смея даже моргнуть, смотрел и я.

«Мне показалось, мне это показалось, мне показалось, показалось...» – сначала я это шептал, потом начал говорить громче и громче. Рука потянулась к фонарику, но я понимал: включенный свет только сгустит темноту. Мы простояли так минут пять; дрожащей рукой я гладил собаку между ушами. Нигде ничего не двигалось и не шевелилось.

Я прошел еще метров триста, и темно-синее пятно снова мелькнуло между ближайшими деревьями. На этот раз я услышал шорох – такой звук издает тяжелый подол, трущийся о траву и землю. В горле остановился ком, который всё никак не проглатывался. Первый порыв – бежать сломя голову назад, к окнам города, к родной электрической желтизне. Но я четко знал – откуда, не спрашивайте – что именно в тот момент я окончательно и бесповоротно проиграю. Если она не сожмёт мое плечо своей ледяной рукой в реальности – догнав здесь, в поле, то уж точно не упустит своего во сне. Я вспомнил про книгу. Зашуршав пакетом, я быстро вынул ее оттуда, включил фонарь и открыл первые страницы. Там были тексты известных молитв – самых обычных, многие из которых я знал наизусть: «Отче наш», «Богородица, дева радуйся», «Живые помощи». Но сейчас я хотел только одного: спастись от взгляда в зовущую темноту, где за деревьями маячит Она – та, кто очень ждет, чтобы я повернулся и, крича во всё горло, побежал назад.

Я забыл о времени. На правом запястье у меня был намотан поводок, в одной руке светил фонарик, в другой лежала раскрытая книга. Я читал, читал и читал. Страницу за страницей, пока не дошел до главы «Заговоры на удачу».

Я не знаю, в какой момент предал ее; повлиял ли на меня дикий страх, полностью поработивший ум, или я сознательно сделал выбор. Я говорю совершенно искренне: я не могу ответить на вопрос, сознательно или нет я принес тогда жертву. Отдал твари в синем Найду вместо себя. Могу только последовательно описать то, как всё произошло.

Когда поводок ослаб и начал постепенно сползать с запястья, я не оторвал взгляда от страниц сволочной книги. Когда я услышал шорох, который издают собачьи когти и мягкие подушечки лап при соприкосновении с высохшей землей, я не поднял взгляда, не позвал собаку, не закричал. Я читал и читал, и не было у этих текстов конца. От «аминь, аминь, аминь» я снова переходил к «Господи, выхожу из ворот в поле, в поле – частокол. Огороди меня, раба Божьего...».

Прошла вечность. Я поднял глаза: темно-синее платье за деревьями исчезло. Фонарик светил желто-тусклым, обреченным светом. Найды рядом не было; сухими, окоченевшими губами я позвал ее. Потом еще раз и еще. Еще раз и еще. Заплакав, я бросился в ле-

сопосадку. Бегал по полю. В конце концов добрался и до волжского берега. Фонарик к тому времени начал подмигивать. Я посветил на наручные часы: 2-10. Я искал собаку почти два часа – полностью забыв о своем страхе перед Женщиной в синем.

Но внутри, где-то очень глубоко внутри себя я знал: бояться было нечего. Тварь пришла и забрала себе то, что хотела. На сегодняшнюю ночь она удовлетворилась и сгнула. Мы поняли с ней друг друга очень хорошо – в тот момент, когда я читал книгу. Она спросила, а я, подыхая от страха, согласился. И она взяла свое.

Мы с Толиком сидели возле костра. Рядом стояла палатка, в которой нам предстояло провести ночь. Татьяна Сергеевна после того, как пропал Черныш, в лес не ходила – только на берег озера.

Идея заночевать в «страшном месте» родилась у Толика. Он уже так несколько раз делал с друзьями.

– Но мы же, Алексей Викторович, гогочем постоянно, а потом выпьем пива и – спать. Что тут может привидеться? А вот если с вами пойдём, уж точно чего-нибудь заметим.

Я не приезжал в Юлово почти год: побывал один раз после пропажи Черныша, а затем мое время поглотили другие записи и поездки. Поэтому, когда позвонил Толик и предложил сходить в «страшное место», я согласился не раздумывая. Татьяна Сергеевна искренне обрадовалась моему приезду, снова угощала брусничным вареньем. Однако, услышав об идее племяша, поджала губы и отвернулась в сторону окна.

– Зря вы это, Лёша. Мало вам Черныша? Нечего судьбу пытаться...

Но затем она сама же снарядила нас в поход: на скорую руку напекла пирожков, приготовила два термоса с чаем, нашла где-то запасные резиновые сапоги и спальники.

– Сегодня, кстати, новолуние. Время-то неплохое: лес хорошую зарядку дает. Ну, ладно, идите с Богом. Я вам вечером на сотовый позвоню. И утром – тоже.

Толик оказался очень общительным парнем. В присутствии тётки – настоящего мастера устного жанра – он терялся и стеснялся, а вот наедине со мной, рядом с весело горящим костром вдруг раскрылся.

– У меня друзья – Славка и Стас – здесь как-то тоже ночевали. Это два года назад в августе дело было. Они не для того, чтобы увидеть чё-то, сюда пришли, а так – просто: посидеть, отдохнуть, как говорится. Они не «барагозы», как любит тетка Таня выражаться: если пьют, то в меру. В общем, доверять им можно. Вот сидим, говорит, костерок, шашлычки, всё нормально. Погода тихая. Звёзды видать. И вот с того места, – Толик указал на край поляны, где стояла наша палатка, – свечение какое-то. Такое зеленоватое. Как вот на болотах иногда бывает, будто фосфор. Но тут болота в другой стороне, место-то на высоте – выше уровня озера. Славик встал, чтобы получше рассмотреть. Вот он-то и увидел, а Стас сидел – поэтому только свечение заметил. «Вижу: старик стоит. Борода седая до пуза, а сам весь в чёрном. Руку поднял вверх и показывает мне пальцем в небо». Тут Стасик тоже вскочил на ноги, Славка отвлекся на него на какие-то полсекунды, поглядел снова – ничего уж нет. Такие дела вот.

Я кивнул и вспомнил про детский сон Татьяны Сергеевны – о человеке в чёрном.

– Да, – соглашается племянш. – Она тоже про это упоминала, когда я ей Славкину историю пересказал. Говорит, что старик в черном – не мельник совсем, а какой-то монах. Может, он погиб неподалеку, а возможно – тут какой-то монастырь стоял раньше.

Я слушаю Толика и вдруг за языками костра замечаю черный четвероногий силуэт. Холод мгновенно пробегает по всему телу, и я вскакиваю на ноги. Племянник тоже медленно приподнимается, оглядываясь по сторонам.

– Что такое? – в его голосе слышится тревога и... какая-то ирония: мол, Алексей Викторович, вы что – подыграть мне решили?

– Ничего... – бормочу я и снова приземляюсь на обрубок сосны, служивший мне стулом. – Показалось, наверное.

– А что, что вы увидели?! – живо интересуется мой собеседник. Я с неохотой говорю о собачьем силуэте.

– Да, – Толик опускает глаза к тлеющему костру. – По собаке тетка здорово убивается, до сих пор забыть не может. Мы ей хотели кутёнка привезти – черного, с ушками, точь-в-точь как Черныш был. «Не хочу, – говорит, – никого. Я лучше вообще без собаки буду, чем еще раз такое пережить!». Ну и всё. Мы это дело оставили. А я вот думаю, что зря: надо было привезти ей, точно бы быстрее забыла.

Я едва слушаю племяша, а сам всё никак не могу успокоиться: за языками костра стоял не Черныш, а более крупная собака. Я даже бороду успел разглядеть – перед тем, как она исчезла. Говорю же: чёртово место! Лучше бы мы сюда не приходили.

Часа через два у Толика начинают слипаться глаза, и я предлагаю ему пойти в палатку.

– Вы тут тоже один долго-то не сидите, – он широко зевает. – Сами знаете, почему...

Потом он много раз жалел о том, что не стал бороться со сном. Но кто его знает: может, вдвоем мы бы не увидели всего этого.

Когда племяш ушел, я подбросил сухих веток в костер и накинул на себя плед: с озера потянуло влажным холодом. Спать не хотелось. Серые, будто нарисованные простым карандашом верхушки деревьев совсем не мешали любоваться ночным небом. Юловские звезды – это и впрямь нечто необыкновенное. Даже в своих очках, которые давно пора заменить (зрение за последний год ухудшилось на целую диоптрию), я видел сотни пульсирующих маленьких солнц. Млечный Путь казался столь близким, что его сияющий бледный бок так и хотелось погладить рукой.

Я любовался ночным небом, вероятно, с полчаса, прежде чем заметил первые признаки... я до сих пор не знаю, как точнее назвать увиденное. Нет, не звездопад, а, скорее, звездный салют. Что-то большое и светлое неожиданно появилось над деревьями. Оно росло и вспухало, словно световой гриб. Однако это призрачное, фиолетовое свечение никак не влияло на видимость остальных звёзд: Млечный Путь по-прежнему мерцал на своем месте.

Гриб вытянулся над лесом, уплотнился до комка размером с Луну и, будто большой воздушный шар, взмыл вверх. Я, расширив глаза, смотрел на него, боясь пошевелиться. Мне даже не пришло в голову броситься в палатку, чтобы разбудить Толика, схватить фотоаппарат или хотя бы смартфон.

И я нисколько не пожалел о том, что не двинулся с места. Всё произошло в считанные секунды; скорее всего, отвлекись я хоть ненадолго, самое главное я бы пропустил. Светящийся фиолетовый ком внезапно остановился, а потом... это даже не вспышка, совсем не так, как во время салюта, нет. Комок просто растекся на тысячи разных блестящих ниточек, у каждой из которых – своя траектория. Это было похоже на то, как если бы в темных океанских толщах

некая живая масса, какая-нибудь фосфоресцирующая медуза вдруг распалась бы на миллионы отдельных клеточек, которые со страшной скоростью рванули бы в разные стороны.

Тело фиолетовой медузы заняло полнеба, а потом – ничего. В мгновение ока всё приняло прежний вид. Всё также тихо покачивались верхушки деревьев, светили-пульсировали звезды, где-то далеко распевали ночные песни лягушки, и какая-то птица мерно, один раз в минуту, вскрикивала и умирала вновь.

Я закрыл глаза и так просидел долго. Затем встал, забросал костер землей и отправился на боковую. Пусть лучше я усну, думая о прекрасной светящейся медузе, чем снова начну различать за деревьями, обступившими поляну, черную фигурку бородатой собаки.

Мы уже успели упаковать палатку и двинуться в обратный путь к утреннему селу, когда сотовый Толика запел последний шедевр из современной попсы. Он сказал несколько слов в трубку, его брови округлились, а потом племянш сунул мобильный мне.

– Лёша! – голос Татьяны Сергеевны звенел от радости; я почти увидел ее помолодевшее лицо – лицо паломницы, добравшейся-таки до заветной цели: иерусалимского храма или какого-нибудь Афонского монастыря. – Она вернулась, слышишь? Моя звездочка! Понимаешь? Меня вчера так гнуть стало, что я пулей выскочила в сад. Поднимаю глаза на небо, а там – она! Господи! Счастье-то какое... Я только об одном молю: чтобы она и сегодня мне показалась!

Мы поговорили еще немного, и я отдал племяннику трубку. Радость, которой поделилась со мной Татьяна Сергеевна, казалось, наполняла всё окружающее. Но улыбка сошла с моего лица совсем скоро. Буквально через несколько минут зазвонил уже мой сотовый. Я посмотрел на экран: высветился номер Кати, с которой я не разговаривал около года, – с того самого момента, когда белый «Рено» рванул вперед, оставив меня на обочине. С дядей Витей я созванивался часто, раз в неделю точно, – узнавал, как у него дела, спрашивал, не нужно ли чего. Он отвечал односложно и каждый раз запрещал мне приезжать к нему.

– Лёша! – резкие нотки голоса Кати были чужими и неуместными в этом волшебном утреннем лесу – как белый цвет врачебного халата на детском дне рождения. – Виктор Иванович умер. Завтра похороны. Ты приедешь?

Я закрыл глаза и на мысленном экране в разные стороны разбежались светящиеся струи фиолетовой медузы.

– Да, – выдавил я наконец. – Я приеду. От меня какая-то помощь нужна: привезти чего-нибудь или позвонить кому-то?

– Нет. Я всё уже организовала. Просто приезжай. Там потом поминки будут – в школьной столовой. Но тебе там быть совсем не обязательно. Если только захочешь... Ну, всё. До встречи.

Я кивнул и нажал отмену вызова. Ночная птица, которая тревожила своими мерными криками окружающий лес, снова на миг проснулась, а потом умерла.

Часть 3. Перекресток

В 1980-е годы самыми крутыми детскими фильмами считались «Приключения Электроника» и «Гостя из будущего». Еще показывали про Петрова и Васечкина; кое-что мне запомнилось и из зарубежной фантастики. Однако фильмов ужасов не было вообще: в Советском Союзе и затем в постсоветской России точно не умели, да и сейчас не умеют снимать хоррор-кино.

Я это говорю для того, чтобы хоть как-то объяснить произошедшее: мое воображение в семилетнем возрасте просто не было готово к такому удару. Кабельный канал, по которому где-то в 11 вечера должны были показывать американский ужастик про куклу Ча́ки, работал только в домике бабы Тони – матери моего дяди, жившего в Садовке. С разрешения взрослых, мы отправились к ней втроем – я, мой двоюродный брат Мишка и его шестилетняя сестренка Наташа. Мишке в тот момент исполнилось лет двенадцать, и его-то, как я сейчас понимаю, третьесортное кино точно не испугало.

Избёнка матери моего дяди, окруженная заброшенными садами, стояла недалеко от железнодорожной станции. Вечером здесь было тихо и очень темно: в бабтоном медвежьем углу вообще не светили уличные фонари. Долетавшие до ее дома звуки пронесшихся товарняков лишь усугубляли впечатление какой-то оторванности этого места от остального села.

Вместе с бабкой в избе жил ее внук Валентин. Он работал охранником – «сутки через трое», – и в тот вечер как раз выпала его

смена. Кстати, внук-то и организовал кабельное телевидение: самой старушке за глаза хватило бы новостей по первому каналу.

Ожившая большая кукла, которая гнусно ухмылялась с выпуклого экрана бабкиного телевизора, меня не слишком испугала. Но в фильм я погрузился с головой: ладони сами собой сжимались в кулаки, когда герои слышали звуки маленьких быстрых ножек. Сердце замирало от ужаса, стоило лишь заметить на стене тень от кукольной ручки, державшей нож.

Назад мы возвращались глубоко за полночь: в небольшой избе бабы Тони просто негде разместить на ночлег столько человек. Да и идти было недолго – минут двадцать от силы. Проулок рядом с избой старушки никогда не асфальтировали, а лишь раз в пять-семь лет посыпали щебёнкой, чтобы по весне и осенью люди не тонули в грязи. Вдоль всей улицы с левой стороны тянулся толстый газопровод, который опирался на металлические трубы, вкопанные в землю через равные промежутки.

Как только дверь калитки закрылась за нами, мы оказались в крошечной тьме, чуть подсвеченной звездами и единственным окном далекой избы, где кто-то тоже полуночишал. Наташка сразу же схватилась за руку старшего брата. Я, спотыкаясь о щебёнку, пошел за ними следом, стараясь идти как можно быстрее, чтобы не отставать.

Мы сделали несколько десятков шагов в полной тишине, как вдруг Мишкин голос заорал: «Вон он – Чаки! Кукла с ножом! Смотрите-смотрите!» – глаза уже чуть привыкли к темноте, и я различал руку двоюродного брата, указывающую на ближайшие кусты. Наташка завизжала и начала плакать; мое сердце ушло в пятки и там осталось надолго.

– Ой, да ла-адно! – Мишка захохотал. – Это я пошутил, дурочка! Чего разревелась-то? Будешь плакать – больше с собой никогда не возьму!

Сестрёнка тут же затихла, лишь изредка всхлипывая.

– Это фильм, понятно? Не бывает живых кукол... Эй, Лёшка! Вот скажи ей: может кукла ожить?

Я тихо ответил, что нет, такого не может быть. Мы пошли дальше. Глаза всё больше привыкали к темноте, я уже хорошо различал разномастные заборы, очертания изб, мимо которых мы шли, и подпорки газопровода.

– А если всё-таки Чаки – на самом деле есть? – вдруг снова заговорил братец. Случается же такое настроение, когда действительно хочется напугать кого-нибудь до полусмерти – особенно если твои спутники уже настроены на эту волну. Мишка в тот вечер точно был настроен.

– Нет его! Нет! – маленькая сестрёнка, уже переставшая всхлипывать, снова зашмыгала носом. – Куклы не умеют говорить.

– Это наши куклы, – уверенно возразил Мишкин голос. – А в Америке всё могут: у них там на специальных заводах делают. Я сам по телеку видел... Вон он, смотрите! Вон он!

На вторую его выходку я отреагировал спокойнее: мне даже немного передалось настроение брата.

– Да, да, вон там: на газопроводе он сидит! – подтвердил я и хихикнул.

Наташка снова заплакала.

– Ла-адно, плакса, пошли! Не пойду я с тобой больше к бабе Тоне фильмы смотреть. Ты маленькая ещё!

– Я не маленькая! – Наташка заплакала сильнее – теперь уже от обиды. – Я не боюсь! Я не боюсь!

– А чего же тогда ревьешь? Если сейчас же вот не заткнёшься – всё, никогда больше не возьму с собой...

– А я маме всё расскажу! Всё расскажу! Что ты меня пугаешь!

– У-у, ябеда. Ябеда-корябеда...

Слушая их переговоры, я случайно поднял глаза на толстый газопровод и... закричал. Вверху, оседлав трубу, словно коня, сидела большая Кукла и, ухмыляясь, смотрела мне прямо в глаза. Я успел разглядеть ее синий полосатый костюмчик и ряд мелких белых зубов, которыми был набит улыбающийся рот.

Идущие впереди остановились. Я бросился к Мишке и схватил его за свободную руку.

– Скорее... Скорее, Мишка! Я ее видел, я клянусь, клянусь!.. Побежали отсюда! – я задыхался и плакал.

– Ну вот, еще один плакса, – пробубнил братец и стал оглядываться по сторонам. – Где видел, чего видел?

– На газопроводе, там вон! Там! Она спряталась, наверно... Пойдём быстрее! – что-то прозвучало в моем тоне такое, отчего напрягся и сам Мишка. Сестрёнка перестала всхлипывать и лишь светила расширенными от ужаса глазами.

Мы ускорили шаг, почти побежали, спотыкаясь о проклятую щёбёнку. Несмотря на то что мы сами создавали порядочный шум, новый звук, идущий сверху, слышали все. Будто кто-то барабанными палочками бьёт по трубе. Мишка резко встал и взглянул наверх. Я и Наташка замерли тоже. Брат был выше всех – поэтому он заметил первый. Я успел увидеть лишь часть постепенно высывающегося из-за трубы кукольного черепа, покрытого тёмными волосами. Старший братец заорал ломающимся подростковым голосом и потащил нас вперёд, словно взбесившийся локомотив. Метров через пятьдесят Наташка споткнулась и упала, в кровь разодрав коленку.

Мишка подхватил ее на руки, и мы побежали снова – брат с сестрёнкой на руках, а я сзади. Когда мы влетели во двор, старший тут же закрыл ворота изнутри. Затем прямо в обуви мы понеслись в зал, где уже спали дядя с тётёй.

Больше на ночные просмотры к бабе Тоне нас не пускали. Да и, честно сказать, никто из нас троих не горел желанием туда идти. Наташкин спасительный возраст позволил ей быстро забыть о произошедшем. С Мишкой мы несколько раз говорили про это, но в конце концов он стал уверять, что нам всё это почудилось: он якобы просто хотел нас напугать и притворялся всю дорогу.

Я ему не поверил, хотя очень хотел, чтобы всё было именно так, как он говорит. Как известно, чтобы преодолеть свой страх, нужно столкнуться с ним лицом к лицу – но в другой, контролируемой обстановке. Я это отлично понимаю. Но фильм про Куклу-убийцу я больше никогда не пересматривал: всё как-то не хватало времени.

И... Я не знаю, зачем хочу добавить это, но – куда денешься от фактов? Через несколько лет изба бабы Тони сгорела дотла – сразу после ее смерти. Скорее всего, тут замешан ее внук, уходивший в запой на целые недели. Только детское воображение и заполненный суевериями ум может увидеть здесь какую-то *иную* причину пожара.

Глава 6.

Это село находится в Барышском районе, но я не упомяну его названия – просто потому, что обещал своим рассказчикам, что скрою «место происшествия». Ровно по той же причине я утаил название села дяди Вити.

– Вот когда Святки – вот в это время... Двенадцать лет назад приключилось всё: там были три девчонки и два парня. Все, кроме Петьки Трифонова, сейчас здесь живут – можете их сами расспросить. У них уж дети у всех, а тогда – по четырнадцать-пятнадцать лет было, – тётя Наташа поправляет тыльной стороной руки бело-синий головной платок и переворачивает кусок теста. Потом берёт скалку и раскатывает его на большой деревянной доске. Рядом в глубоком белом тазике стоит уже готовый фарш.

В селе говорили, что она лечит бородавки и зубную боль. Именно поэтому я в первую очередь пошел к ней. Но после часовой беседы с ней мы вышли на эту историю – про гадания на перекрестке. И я понял, что должен расспросить об этом всех – из тех, кто был причастен к событиям двенадцатилетней давности.

Чуть позже выяснилось, что участники той истории не совсем гадали: то, чем они занимались, обычно именуют «вызовом», «вызываньями». Любой, кто когда-нибудь ездил в пионерский лагерь, легко поймёт, о чем идет речь. Дух Пушкина или Есенина, Пиковая дама и гномик-матерщинник, жвачный король и конфетная фея – вот те более-менее безобидные персонажи, о которых обычно рассказывают дети. Ритуалы их вызова различаются: можно использовать простые карандаши или зеркало, можно на нитку в темной комнате вешать конфеты – для угощения пришедших на зов. Я сам в детстве поднимал на пальцах своего друга по лагерю Петьку: до этого мы кого-то вызывали – скорее всего, того же Пушкина. Потом встали вокруг лежавшего с зажмуренными глазами друга. Пятеро участников ритуала подсунули указательные пальцы под тело Петьки и – подняли его вверх. Затем, конечно, расхохотались, и друг рухнул на кровать.

Так и должны завершаться все подобные детские обряды – хохотом и весельем. Но в те Святки произошло по-другому.

– Две девчонки гадали – Юлька и Светка. Они сначала что-то в бане делали, а потом пошли с мальчишками на перекресток, где вот церковь недостроенная у нас стояла. Молодежь любила там на

брёвнях сидеть, болтать да пиво пить, – продолжает тетя Наташа, ловко завёртывая в тесто фарш. Готовились домашние пельмени, которыми гостеприимная хозяйка обязательно хотела меня угостить. – И вот кого-то они вызвали, я уж не помню. Какую-то куклу. Страх какой-то. И все вроде бы хиханьки да хаханьки, но тут у Юли глаза закатились – и она давай мужским голосом голосить. Мальчишки-то сначала снова засмеялись, да только Юльку-то эту все как облупленную знали: ну не может девчонка так прикидываться! А затем подружка ее, Светка-то, – в слёзы. Тут уж все присмирели.

А эта, вторая-то, рычит утробно, и всё на кладбище рвётся. Парни пытались ее удержать, Юлька их раскидала, словно щенков, – и побежала туда...

Когда тётя Наташа упомянула о кукле, сердце мое застучало быстрее. Однако что-то добавить к уже сказанному она не смогла. Сказала только то, что в итоге одержимую увезли куда-то в Тольятти – в больницу.

– А вы идите вон к Женьке – он, наверное, сейчас дома. Это парень, вот чуть помладше вас. Он всё своими глазами видел, точно вам расскажет, как дело-то было, – посоветовала мне новая знакомая. Угостившись пельменями, я прямым ходом отправился к избе, на которую мне указала тетя Наташа.

Еще издали я увидел возле двора серую «пятнашку». Под капотом возился рослый мужчина с залысинами на голове. Он заметил меня лишь тогда, когда я подошел вплотную к авто и поздоровался с ним. Услышав о моей просьбе «побеседовать», Женька смерил меня угрюмым взглядом, вытер испачканные в машинном масле руки и, сев на лавку, закурил. Я приземлился рядом.

– Давно дело-то было. Я сам всё видел. Светка щас в Москве, а Юлька-то вон – через две улицы живёт, замуж вышла. Но я вам не советую к ней идти: она ни с кем про это не говорит. Полтора года ведь в Тольятти лечилась, а потом вернулась совсем другим человеком. Раньше смешливая была, хохотушка такая – палец покажи, смеяться будет. А после того перекрёстка изменилась, – парень сплюнул в сторону и выудил из пачки еще одну сигарету.

Всё случилось вечером 3-го января. Юлька и раньше любила погадать: ей это меньше от бабки досталось. Увлекалась она и всякими страшными историями – умела так рассказать про какого-нибудь оборотня или тётку Васёнку, колдунью с соседней улицы, что даже мальчишки потом вечерами боялись гулять поодиночке.

– Я толком не знаю, как они там вызывали. Знаю, что был у них круг нарисованный и иголка большая – штопают которой. Это мне Светка потом шепнула, а от Юльки вообще не добьешься ни слова. «Сначала, говорит, дух вызвали – какого-то Наполеона или Гитлера». Ну, по приколу, чё. Затем решили даже Фредди Крюгера позвать – фильм-то был американский. И эту, как ее... про куклу-то ужастик показывали давно уж. Как там ее...

– Чаки, – подсказываю я и ёжусь от внезапного озноба.

– О, точно! Вот этого Чаки дурацкого. Всё вроде нормально поначалу-то было. А потом Светка рассказывает: как они стали с Чаки-то разговаривать, иголка вдруг задрожала, запрыгала. Такое началось – пипец полный! Они всё в бане побросали и к нам – на перекрёсток. И вот там уж пошло дело-то... – Женька еще раз сплюнул в сторону. – Я тебе скажу: я никогда не видел такого и не хочу больше. У Юльки глаза закатились, а потом она как стала материть нас голосом не своим, грубым, утробным: «Сволочи, убью всех, вырежу по одному нах...! Пустите, – говорит, – мне на кладбище надо!». Мы ее с Петькой Трифоновым схватили, а она вот так руки раскинула, – мужчина развёл руки в сторону, – и мы с ним попадали кто куда. Силища в ней – будто у Шварценеггера...

Нашли Юлю лишь через полтора часа. Она сидела в лесу под деревом недалеко от кладбища и плакала. Говорить не могла почти неделю. Ее увезли в районную больницу, а потом – по совету врача – в Тольяттинскую клинику.

– И у нее вот с тех пор, это уж мне ее родители сказали, я сам внимания не обратил бы, – глаза другого цвета стали. Раньше карие, даже зеленые были, а тут поголубели прям, посинели – и всё тут.

Женька встал, я тоже поднялся вслед за ним. После того, как я пожал ему руку на прощанье и уже повернулся, чтобы идти дальше, парень окликнул меня.

– Вы это... Вы к ней-то, Юльке, не ходите, но можете мимо дома ее пройти, он вон там – за перекрёстком, третий по правой стороне.

– А... зачем? – интересуюсь я.

– Да так.... Просто в окна посмотрите – той избы, где она с мужем живёт. Сами поймёте.

Я киваю, благодарю его еще раз и иду к перекрёстку. Третий дом вижу сразу. В окнах стоят, висят, торчат десятки кукол – обыч-

ных, бумажных, тканевых, маленьких и больших, в туфельках, в шапочках, в носочках, самодельных и покупных. Я неоднократно в разных сёлах сталкивался с таким обычаем: старушки иногда выставляли одну-две куклы в межстеколье – для красоты, так сказать. Но изба Юли слишком выделялась из этого ряда. Слишком.

Я засмотрелся на всё это разнообразие и... нарушил Женькин запрет. Через минуту моя рука уже стучит в ворота кукольного дома. Темы для беседы с хозяйкой у меня точно найдутся.

Вдоль обеих стен большой терраски, оформленных «под дерево», тянутся стеллажи, полочки, крючочки. Все они заставлены и увешаны куклами.

– Давайте я вас проведу и покажу всё, – приглашает хозяйка – черноволосая худая женщина со светло-синими глазами. – Все сразу их разглядывать начинают. Правда, интересная коллекция?

Я киваю и невольно продолжаю вертеть головой по сторонам.

– Это всё – самодельные?

– Половина на половину. Что-то делаю сама, что-то покупаю. Я этим уж лет десять занимаюсь.

– А как у вас это началось? – осторожно интересуюсь я.

– Я заболела, – отвечает просто Юля и молчит; я опускаю глаза под ее пристальным взглядом. – Куклы стали настоящим спасением для меня. Вот смотрите...

Она берет двух небольших феечек с полки.

– Это куколки из флиса. Мне также нравится текстиль. Посмотрите, какие хорошенькие получаются.

Я верчу в руках рыжеволосую красавицу в щеголеватой дамской шляпке и кружевных перчаточках. Затем беру с полки смешного домовёнка, тело которого сотворено из соломы.

– Очень хорошие, – соглашаюсь я. – У вас настоящий талант!

Ее лицо проясняется: она чувствует мою искренность. Мы понемногу продвигаемся вдоль стеллажей.

– А какая кукла была у вас самая первая? – спрашиваю я.

– Из покупных или из самодельных? Первых самодельных тут уж нет: я ведь раздариваю много. И в детские дома, и детсады, и так просто. Многие охотно берут – это ведь красиво. Иначе бы у меня тут просто места не хватило. А вот недавно у нас в администрации

праздник был, как он там называется... День семьи и верности. И я вот сделала десять штук больших берегинь. И их подарили нашим самым лучшим мамам – многодетным. Всем так понравилось... Вот одна осталась.

Она берет в руку куклу, одетую в зеленоклетчатый сарафан. Лица у берегини нет – лишь белая тканевая поверхность. Ладонь моей собеседницы прячется под сарафан, и вдруг куколка словно оживает – кланяется, приветствуя меня. Я улыбаюсь: ловко у Юли получается управлять своими маленькими шедеврами!

Мы переходим к следующему стеллажу. На его полках сидят и лежат какие-то необычные сказочные существа – то ли животные, то ли люди, то ли птицы.

– А у вас есть самые любимые куклы?

– Я всех люблю. Но самые любимые – те, что *оттуда*, – моя провожатая неопределенно машет рукой в сторону. – Они – самые живые, у них душа есть.

– «Оттуда» – это как понять? – снова спрашиваю я.

– Оттуда – это из сна. Как мне видится, такими я их и делаю. Даже придумывать ничего не надо.

Я застываю на месте и молча смотрю на нее.

– Рассказать? – синеглазая чуть улыбается. Я киваю, и мы переходим в небольшую кухонку – продолжение терраски. В доме, вероятно, больше никого нет – да я, честно говоря, и думать забыл о ком-либо еще, кроме своей спутницы.

– Я когда заболела, мне было очень тяжело. Жить не хотелось. И помнила я мало что – кусками какими-то. В Тольятти долго лежала, вам, наверное, рассказывали... Там диспансер есть большой, психоневрологический, мне врач попалась очень хорошая – Татьяна Витальевна. Она так заинтересовалась моим случаем, всё обо мне разузнала. Вот она-то мне и принесла первую выкройку куклы и ткань. «Юленька, клин клином вышибают. Попробуй куклу сшить. Если всё получится – тебе полегчает». А я... – хозяйка избы взглянула на терраску за моей спиной, – я очень их боялась. Ненавидела любой намёк на кукол – после перекрёстка-то...

Несколько недель пациентка не прикасалась к выкройке, принесённой врачом. Юля засунула ее в самый дальний угол тумбочки и постаралась забыть про всё. И вот тогда-то ей и приснился первый сон.

– Сновидение было похоже на детскую сказку или мультик – по насыщенности красок и самой атмосфере. Я была в таком месте – в городе, закрытом со всех сторон. Словно это большой-большой ящик, шкатулка, в которой много-много полочек-ярусов. На каждом из них – своя жизнь, своя работа. Внизу, в самой глубине – шахты. Я туда старалась не заглядывать: там вагонетки, уголь какой-то добывают, всё серое. Там что-то злое, страшное. А на других ярусах – получше. Вот тот, где я была, – там сплошная зелень. Будто ветки одного гигантского дерева разрослись кругом. И на этих ветках – разные существа...

На самом деле моя собеседница, конечно, описывала некую обобщенную картину – то, что ей приснилось за несколько лет. Проснувшись после первого сна, она достала из тумбочки ткань и долго смотрела на нее. А затем начала постепенно учиться – на самых разных материалах. Так появились зверушки, птушки, феи, ящерки и куколки.

– Я до сих пор не знаю, сколько всего ярусов в этом городке-шкатулке. Меня словно кто-то не пускает ни вниз, ни вверх. Но мне хватает и моей полки: там на гигантских ветках – маленькие белые домики, и в каждом – свой хозяин. Я к ним иногда заглядываю в гости и, как проснусь, берусь за материалы. И тогда появляются они, – хозяйка кукольного домика кивает на постояльцев стеллажей и полочек.

Я молчу в ответ, смотрю на тех куколок, что сидят перед нами на столе, а сам думаю только об одном: ведь где-то среди всех этих ярусных обитателей должен прятаться и тот, кто так грубо вторгся в жизнь Юли, тот, кто навсегда изменил цвет ее глаз...

Глава 7.

– Я иду вот по этим зелёным веткам и листьям и заворачиваю в сторону – всё влево и влево. И начинаю будто спускаться куда-то по спирали, – говорит Юля. Я спросил ее о самом запомнившемся сновидении про город-шкатулку, и она рассказала в ответ эту историю.

– И вот стоит домик, но не белого цвета, к которому я уж привыкла, а какого-то сероватого. Я захожу в дверь и вижу сидящего за столом мужчину, одетого в робу или мешковину. Он поворачивает ко мне лицо, и я узнаю папу – он умер четыре года назад из-за пнев-

монии. Я бросаюсь к нему, чтобы обнять, поцеловать его, а отец так холодно на меня смотрит и отстраняется. Я сажусь рядом, хочу рассказать ему всё: как я соскучилась, что у нас нового произошло. Но он меня останавливает – так повелительно, как король какой-нибудь, и говорит: «Натворила ты делов, Юленька, что и говорить... Мы все здесь страдаем! Нет нам покоя, пока он на свободе и творит чёрные, угольные дела свои. Ведь сгинем все – по твоей милости!..» – и неожиданно плачет. Я тоже в слёзы, спрашиваю его, чем же я виновата, что же наделала-то я?

А он вот так вот рукой подбородок подпер и глаза немного прищурил. «Горе ты мое луковое! Разве ты не видишь, что у нас уж половина домов – пустые! Неужели ты совсем ослепла? Или не дают голубые глаза твои правду видеть?».

А я действительно стала замечать: зайдешь в белый домик, а он – пустой. Словно совсем недавно, вот за несколько минут до моего прихода, хозяин там был, может, даже ждал меня, но теперь... нет никого. Никого... – она замолкает и снова глядит на стеллажи в терраске. Потом спрашивает меня, не хочу ли я еще чаю, и я киваю.

– И как же... – пытаюсь я продолжить разговор. – Потом еще что-то было, еще снилось? Про отца?

Юля трёт рукой переносицу. Кажется, она уже устала от нашей беседы.

– Нет. Всё то же самое: мой ярус, пустые домики – без своих смешных обитателей. А отца я больше не встречала. Я теперь уж кукол оттуда почти не делаю: некого делать. Берегу то, что есть. Всех остальных – отдаю, раздариваю и продаю, а этих – нет.

Я долго молчу, медленно потягиваю чай из кружки и понимаю, что должен задать этот вопрос – нельзя уйти, не задав его:

– Отец говорил вам про Чаки? Так ведь? О нём?

Женщина быстро оглядывается по сторонам и сжимает губы так, что они превращаются в две бледные нитки.

– Уходите отсюда! – шепчет Юля. – Я и так вам лишнего наболтала. Вы, наверно, всё здесь разнюхали обо мне: в селе только и радость одна – языками почесать, но никто не знает, каково мне жить со всем этим! Уходите!

Я приподнимаюсь, беру диктофон со стола и начинаю извиняться.

– Идите, идите... На черта мне ваши извинения! И больше никогда не стучите в мою дверь – всё равно не открою.

Я иду к выходу; хозяйкины тапочки, словно страницы большой книги, шелестят вслед за мной.

– Юля, простите меня. Я не смог просто сдержать себя... – дверь захлопывается, я делаю несколько шагов от крыльца в сторону перекрестка и вдруг слышу звук откинутой щеколды.

– Вы... Вы Алексеем же представились, так? – синеглазая проносит слова всё так же полупшепотом. – Лёша, приезжайте сюда еще... один раз. Говорите ваш телефон, ну, скорей же! Я позвоню, когда надо будет...

Я торопливо называю номер своего сотового; женщина, вздрагивая всем телом, словно испуганная лошадь, записывает на листочек диктуемые цифры. Потом дверь закрывается, и я выхожу на асфальт. Внутри – опустошенность и чувство выполненного долга. Никаких чёртовых угрызений совести.

Юля позвонила мне, когда я сидел в школьной столовой, – на поминках после похорон дяди Вити. Как ни странно, людей собралось много – около сотни человек. Ни одного знакомого лица: все откуда-то знают Виктора Ивановича, кого-то он лечил, кому-то приходился родственником и соседом. Приехали даже из Самары и Пензенской области. За столом и на кладбище много говорили о том, какой дядя Витя был замечательный – отзывчивый, добрый, всем помогал, никому не отказывал.

Я слушал эти разговоры, смотрел на незнакомые лица и чувствовал себя, как выжатый лимон. «Где вы все были, когда он – слепой и беспомощный – не мог даже сготовить еду себе по-человечески?» – думал я и тут же себя одёргивал. Сам-то я не приезжал к нему почти год – и ничего, хорошо всё, можно других осуждать. По-настоящему о нём, наверное, только Катя и заботилась, – несмотря на все предупреждения знахаря. Это я струсил и, как дурак, свято соблюдал его запрет.

– Всё хорошо? – спрашивает Катя. – Может, еще блинов?

Я отказываюсь. Она порхает между столов, за всем наблюдает и везде успевает: это ее стихия – организовывать и контролировать. Поминки на самом высшем уровне, насколько это вообще можно сделать в селе. Молодец!..

От нее я узнал, что приехавшие из Самары родственники (кажется, дочка старшего сына Виктора Ивановича) уже интересовались наследством – избой целителя.

– Продавать ее собираются, – сообщила мне Катя с легкой улыбкой; у нее теперь всё было легко – как у бабочки. – Но долго покупателей искать не придётся: я сама куплю у них избушку-развалюшку.

Я в ответ вскидываю брови и молчу. Не хочется ни о чём спрашивать и влезать в ненужные подробности. Дяди Вити уже нет – остальное меня не слишком волнует...

– Алексей? – говорит мне в трубку полузабытый голос, и рука со столовским компотом замирает на полпути. – Это Юля. Помните такую? Вы сможете приехать завтра или послезавтра? Лучше – завтра.

– Да, – отвечаю я, глядя на постепенно пустеющие столы: люди понемногу расходятся с поминок. Неожиданно остро осознаю, что больше никогда не услышу голос дяди Вити, и окружающее плывёт, туманится, запотеваает, словно лобовое стекло автомобиля.

– Тогда я жду вас завтра. У меня есть для вас подарок, – и трубка замолкает.

Юля всё-таки сдержала обещание и позвонила. Но ехать к ней почему-то совсем не хочется.

На этот раз мне открыл дверь мужчина лет тридцати пяти – хмурый, усатый, в очках. Мы с ним поздоровались, и он без лишних вопросов проводил меня вдоль кукольных стеллажей терраски в зал. В прошлый раз я здесь не был.

Хозяйку кукольного домика я едва узнал: она похудела так, что сквозь прозрачную кожу на щеках отчетливо проступали скулы. Казалось, что еще немного и покажутся ряды зубов – будто на выбеленном временем черепе. Юля полулежала на диване; ноги были прикрыты одеялом. Как только я поздоровался с ней и сел на единственный стул, муж сразу же вышел и плотно прикрыл дверь за собой.

– Лёша! Очень хорошо, что ты приехал. Не обиделся за то, как я в прошлый раз тебя приняла?.. Но это не важно, всё это не важно... Ты знаешь, когда вы... когда ты в прошлый раз ушел, я тут же поняла, что тебя сам Бог ко мне направил... Хотя в него, в Бога-то, я

и не верю совсем. Нисколечки, – она говорила торопливо, делая неожиданные паузы. Белки глаз – розовые, воспаленные, будто она не спала несколько суток. Я чувствовал себя неуютно – так, как ощущают себя в присутствии пациентов психиатрических клиник.

– Мне после твоего прихода снова папа стал сниться, представляешь? Он мне про тебя кое-что рассказал. И я... помнишь, я подарок обещала? Сейчас. Серёжа! Серёжа, принеси, пожалуйста, – да, да, ту, на подставке которая.

Ее муж вошел через минуту, держа в руках нечто похожее на поднос, накрытый белой тканью.

– Ага. Всё, всё, ну, иди, иди же! – она даже не посмотрела на своего хмурого супруга. – Вот, Лёша. Это чтобы ты убедился... Так мне отец сказал: «Он увидит и поверит тебе. И поможет, обязательно поможет». Ну, чего ты ждёшь? Убирай покрывальце.

Сергей поставил поднос на невысокий журнальный столик, стоявший возле дивана. Я приподнялся и сдернул ткань. Сначала я ничего не понял, не осознал, не увидел. А потом, когда до меня наконец дошло, я просто оцепенел. В горле пересохло, будто туда накидали песка. Я молча встал и налил себе из небольшого чайника кипяченой воды. Выпил стакан залпом, как пьют водку на поминках по любимому деду.

Новый шедевр Юли представлял собой овальный кусок фанеры. На гладкую поверхность были наклеены мох и немного хвои. Поверх этого слоя – несколько сосновых веточек, поставленных вертикально вверх. Ближе к правому краю располагалась тропинка – тоже сделанная из какого-то природного материала, наверное, подкрашенного песка. Всё это довольно искусно изображало лесопосадку и кусочек поля.

Среди сосновых веточек стояла кукла в длинном темно-синем платье. Ее лица я не смог разглядеть, так как его скрывали черные волосы. Мне до сих пор кажется, что Юля пожертвовала прядью своих волос, чтобы создать кукольное подобие моей детской фобии. Маленькая бледная ручка с мастерски сделанными пальчиками держала в руках поводок. Рядом с темно-синим подолом сидел черный бородатый ризен – шерстяная игрушка, изображавшая Найду.

Лежавшая на диване смотрела на меня с каким-то жадным, болезненным любопытством.

– Ну? Всё так? Это всё так и было? – быстро заговорила она. – Значит, отец мне сказал правду! Я всё с его слов и сделала. Тогда и всё остальное – правда. Слышишь, Лёша? Папа сказал, что ты сможешь мне помочь. И им всем – они этой помощи ждут. Слышишь?

Я не обращал внимания на слова Юли, всё еще не в силах оторваться от куска фанеры. Вода не смогла победить наждачную сухость в горле. Темная лесопосадка, ведущая к берегу Волги, снова обступила меня со всех сторон. Я даже взглянул на свои руки: нет ли там фонарика и книги с заговорами?

(«Найда! Где ты? Где ты?..»)

– Лёша, так ты поможешь нам? – Юля откинула одеяло и спустила ноги на пол. Скелетная худоба ее ступней поразила меня.

– Я попытаюсь... – пробормотал я. – Что ты задумала?

– Это не я, не я. Папа говорит, и они все говорят, что это остановит его. Только это и остановит. Потому что он уже всех утащил к себе – туда, вниз, в шахты, где уголь и темнота. Лёша, Лёша, он и за мной придёт скоро! Господи!.. Господи! – женщина вдруг разрыдалась и завывала – пронзительно и страшно. Я вспомнил, что уже слышал такой крик – в комнатухе дяди Вити, когда тот отчитывал одержимую.

Через несколько секунд вбежал Сергей. Он всё делал так быстро и чётко, что было понятно: приступы случались многократно, возможно, не один раз в день. Муж схватил с подоконника пластиковую банку, вытряхнул оттуда две или три желтых капсулы и, обняв жену за плечи, скормил ей таблетки одну за другой. Потом дал воды. Юля, уткнувшись ему в плечо, плакала.

Минут через пятнадцать мы смогли вернуться к беседе. Сергей на этот раз остался с нами в зале.

– Он закопан рядом с кладбищем. Там, за оградой. Я найду сразу, я помню хорошо, где это место, – Юля говорила тусклым, безжизненным голосом – видимо, из-за успокоительного. – Отец сказал, что его нужно перезахоронить – так, чтобы он успокоился. Навсегда... Понимаешь?

Я слушал ее внимательно и не верил самому себе: у меня даже мысли не возникло отказаться от всего этого, развернуться и уйти, хотя бы вспомнить, что я всё-таки какой-никакой, но исследователь, учёный... Я думал только о том, как бы сделать это лучше, – так, чтобы нам никто не смог помешать.

По словам Юли, тот, кто изменил цвет ее глаз, мог успокоиться лишь в присутствии сильного человека. В селе, где родилась и выросла моя собеседница, бытовало такое поверье: самоубийцам, утопленникам и колдунам раньше (а иногда – и сейчас) старые люди всегда старались положить в гроб небольшую куклу.

– Это как заместитель, замена, понимаешь, Лёша? Если закопаешь их с игрушкой – они уже с собой никого не возьмут из живых. Не будут приходить в сновидениях и звать с собой.

Самое тягостное условие всего этого действия состояло в том, что похоронить Куклу нужно было рядом... с дядей Витей. Я не знаю, откуда Юля узнала о старом знахаре и его недавней смерти. Она уверяла, что ей всё рассказал умерший отец – так же, как о моей встрече с Женщиной в синем.

– Мы с Сергеем поможем вырыть ее, но отвезти Куклу к могиле знахаря тебе нужно одному. Так велел отец. Он сказал, что нам с мужем нельзя там находиться. Тогда всё закончится. Знахарь его удержит, заставит успокоиться... Лёша, ты мне веришь?

Я устало кивал головой: хотелось спать или лучше всего – умереть. Я не мог себе даже представить, как мы провернём всё это в реальности.

Ночевать я остался у хозяйки кукольного дома. Наше дело мы наметили на завтрашний вечер. Расстояние между сёлами, где жил дядя Витя и где 12 лет назад две подружки-дурочки вызвали злобную Куклу, – не больше шестидесяти километров. Времени должно хватить.

Меня положили в отдельной комнате, супруги легли в зале. Спал я без сновидений.

Глава 8.

Автомобиль мы оставили с выключенными фарами на обочине – метрах в трехстах от местного кладбища. Я нёс выключенный фонарик, лопату и мешок. Сергей поддерживал за талию свою жену: она едва могла переставлять ноги.

Пока шли к месту, где собирались заняться, быть может, самой странной эксгумацией на свете, я пытался справиться со своим собственным рассудком – рациональным, логичным умом, который позволял мне писать научные статьи.

Я не спрашивал себя, какого чёрта делаю на кладбище ночью в компании с бывшей пациенткой психиатрической клиники. Меня интересовало другое: то, что мы выкопаем (если, конечно, вообще что-то найдём), Юля сшила сама или где-то купила? Смартфон сегодня днем подсказал мне, что у Чаки – персонажа американского фильма – были реальные прототипы: куклы из серии «My Buddy» («Мой друг»).

«В крайнем случае она могла дойти и до того, чтобы заказать эту игрушку по интернету. Сумасшедшие люди – великие хитрецы. А потом она просто закопала ее здесь, рядом с оградой», – размышлял я, внутренне готовясь к чему угодно.

Юля нашла место довольно быстро. Ничем не обозначенный участок заросшей колючками земли в пяти метрах от кладбищенского забора.

– Копать придется тебе одному. Нам нельзя с мужем... Ну, ты понимаешь...

Я не стал спорить. Попросил Сергея держать фонарь так, чтобы свет не был виден со стороны села, и принялся за работу. Копал минут десять. Краем глаза видел, что нашу спутницу бьёт мелкая дрожь.

«Лишь бы она не закричала – как тогда в доме. И без того нервы на пределе», – думал я. Лопата углубилась почти на два штыка, и я решил спросить, сколько еще примерно копать, но тут послышался глухой удар. Еще через пять минут мы с Сергеем вытащили продолговатый деревянный ящичек.

– Что? Надо обязательно вскрывать его? – спросил я с отвращением. У меня было ощущение, что мы действительно выкопали мертвое тело. Лицо черноволосой женщины даже в темноте светилось белизной – словно головы ее кукол-берегинь.

Я соскреб лопатой землю с ящичка, а потом отогнул карманным ножом несколько гвоздей – криво и наспех вколоченных. Под крышкой мы обнаружили лежавшую в куче старого тряпья большую куклу. Свет от фонаря успел выхватить джинсовый комбинезон, полосатую кофточку и кукольный череп с темной копной волос. Я понял, что моя догадка подтвердилась: кто-то закопал тут точную копию американской игрушки.

Юля тихо охнула и сделала несколько шагов назад. Я закрыл крышку и вернул гвозди в прежнее положение. Потом мы с Сергеем

быстро засыпали яму и набросали туда прошлогодних сухих колючек, чтобы скрыть следы «эксгумации».

– Всё, теперь езжайте, – прошептала Юля; ее глаза блуждали, руки не находили себе места. – Скорее, ради Бога, скорее!.. Мы дойдем до дома с Сергеем сами. Пожалуйста, сделайте всё, как мы договаривались: закопайте его в ногах у дяди Вити.

Я вопросительно взглянул на Сергея, и тот кивнул. Мы с ним погрузили выкопанный ящик в багажник «десятки», и я поехал в сторону асфальта. Правая рука сама потянулась к пульту от автомагнитолы, и из колонок зазвучала бодрая музыка 80-х. Мне до тошноты не хотелось слышать глухие удары, которые иногда доносились из багажника: деревянный ящик то и дело подпрыгивал на кочках, и... честное слово, эти звуки доставали меня всё сильнее и сильнее.

В село я въехал уже во втором часу ночи. Машину оставил недалеко от кладбищенских ворот. Пикнув сигнализацией, сунул ящик с куклой под мышку, взял лопату и фонарь. Дядю Витю похоронили справа от входа – там, где начинался «новый порядок». Свежий холм был завален венками; на большом деревянном кресте поблескивал, отражая свет от фонарика, керамический овал с фотографией.

Мне захотелось сделать всё побыстрее, чтобы избавиться от щемящего чувства тоски.

Поставив ящик на лавку, установленную рядом с соседней могилой, я убрал два венка в сторону и принялся копать. По сравнению с жесткой землей, которую пришлось ворошить часа два назад, насыпь над могилой целителя показалась мне пухом. Не прошло и десяти минут, а работа была уже наполовину сделана: яма в ногах дяди Витя получилась аккуратной и глубокой.

Я выпрямился, и тут кто-то сильно ударил меня по спине. Вскрикнув, я упал лицом вниз и до крови поцарапал себе щеку искусственным цветком от венка. Я попытался подняться и получил еще один удар в спину; затем меня начали бить по ногам. Били, скорее всего, палкой.

Еще один удар – на этот раз не по мне – и фонарь, висевший на могильной оградке, потух. Звякнуло разбившееся стекло.

– Я так и знала, что ты это сделаешь! – женский знакомый голос. Я, прикрывая голову руками, откатился от свежей могилы и встал на ноги. В темноте, чуть подсвеченной звездами, – чья-то фигура. От нее снова раздается какой-то нечеловеческий, звериный рык, я бросаюсь в сторону и лишь поэтому не получаю удар по лицу.

– Катя, успокойся! – я срываюсь на крик. – Сумасшедшая! Ты меня чуть не убила!

– И убью, сволочь такая! – она матерится – грязно, совсем не по-женски. – Думаешь, я не знала, что ты обязательно попытаешься сделать это?

– Да я... – я не мог даже представить, как ей в двух словах рассказать, чем я тут занимался. – Мне нужно...

– Я знаю, что тебе нужно! – еще один рывок вперед, но мои глаза уже немного привыкли к темноте. Я уклоняюсь от удара и перескакиваю через низкую ограду соседней полузаброшенной могилы. Стараюсь, чтобы между разъяренной женщиной и мной находился крест или памятник. Наш странный кладбищенский танец продолжается; мы с Катей уже шагах в десяти от могилы дяди Вити.

– Послушай, давай ты успокоишься, а?! И я тебе попробую всё объяснить! – я стараюсь говорить тихо: не хватало, чтобы кто-то из села прибежал сюда. Тогда всё – пиши пропало; мы с ней точно прославимся на весь район.

Но в ответ – снова крик бешенства. Катя бежит на меня, выставив вперед свою жердину, словно копье.

– Ты хотел взять всё себе! Раскопать могилу, заговор прочитать – и дело в шляпе. Ты что: меня за лохушку держишь? – снова бросок и поток отборного мата. Я уже полностью пришел в себя; испуг и усталость сменяются злостью и раздражением.

– Дура! – ору я наконец. – Я приехал сюда совсем по другой причине. Давай я тебе всё расскажу!..

Мы останавливаемся с ней и, тяжело дыша, смотрим на темные силуэты друг друга. Между нами – чей-то могильный памятник.

– Хорошо, – наконец-то говорит она и бросает палку на землю. – Идём к могиле дяди Вити. Я посмотрю, что ты там натворил...

Она поворачивается, я спешу за ней. Ящик с Куклой по-прежнему стоит на лавке. Я опускаю его на траву и приглашаю Катю сесть.

– Сам садись. Мне и здесь хорошо! – огрызается она и, подсвечивая смартфоном, быстро оглядывает яму, которую я вырыл. Затем светит на ящик с Куклой. Я начинаю рассказывать...

Минут через пятьдесят мы сидели в избе дяди Вити и пили чай со смородиновыми листьями. Я был грязный, как черт; Катя дала мне старую рубаху – наверное, из запасов целителя.

Говорил, в основном, я; Катя отвечала неохотно и односложно. Ящик с Чаки она позволила захоронить в выкопанной мной яме, но мой рассказ ее не очень-то убедил: видимо, всё выглядело слишком фантастично.

Гвозди на ящике мне пришлось отогнуть еще раз, чтобы Катя сама увидела куклу.

– Всё это глупо! – сказала она мне там, на кладбище. – Вся эта твоя история. Ну, хорошо, пусть будет по-твоему: закапывай свою идиотскую куклу! Но я еще не знаю, как поступлю потом: может, мне придется ее выкопать и выбросить на помойку? Если она мне помешает – я так и сделаю. Понял?

Я не стал с ней спорить. Примерно в третьем часу ночи я засобирился в дорогу.

– Куда ты сейчас – в то село, к этой Юле?

– Да. А утром – в город.

Катя кивнула. Она проводила меня до порога. Мы постояли несколько секунд, глядя друг другу в глаза.

– Если ты думаешь, что я начну извиняться... – начала она раздраженно.

– Нет, – я махнул рукой. – Я просто хотел спросить: ты всё еще видишь эту свою... точку? Опарыша?

Катя откинула со лба чёлку и покачала головой:

– Нет. С тех пор как живу здесь – ни разу. Я говорила тебе, что сюда окончательно перебралась? Каждый будний день в город мотаюсь, но мне не привыкать.

– То есть после похорон дяди Вити...

– Нет... Точка и до этого у меня пропадала почти полностью. Он всё-таки помог мне. Умирая, всё-таки смог добить этого опарыша, излечить меня!..

Я снял очки, протер их уголком старой рубахи. Мне вдруг вспомнился рассказ целителя про черный стержень внутри репы, но я не стал об этом говорить той, что считалась теперь полноправной хозяйкой дома дядя Вити. И, кажется, была уверена в том, что его дар тоже должен принадлежать исключительно ей.

Мы попрощались, я прошел мимо белого «Рено», припаркованного у самого крыльца, и завел двигатель своей «десятки». На мысленном экране всплыло ухмыляющееся лицо Чаки – его синие глаза и рот, полный мелких острых зубов.

– Пусть земля будет тебе пухом, – прошептал я и опустил боковое окно автомобиля, чтобы вдохнуть свежего воздуха. – Ты уж, дядя Витя, держи его там в строгости. Дальше ограды – не пушай...

Через два часа, когда край неба посветлел, я постучался в дверь кукольного дома. Мне открыл Сергей. Я впервые заметил, что между зубами у него забавная щербинка: он улыбался. Юля уснула, как только они вернулись с кладбища, и спала до сих пор.

Я тоже отправился на боковую. Днем мне надо попасть в город, так что понежиться в кровати не удастся.

Эпилог

Чай с брусничным вареньем – это всё-таки здорово. Вообще, в Юлово есть нечто такое, что заставляет возвращаться сюда снова и снова. Я чувствовал себя здесь, словно в Садовке – селе моего детства, в котором дедушка с бабушкой вовсе не умерли, а просто ждут своего внука, колесящего Бог знает где.

– Всё-таки ты, Лёша, похож на меня: такая же у тебя мятущаяся душа, и ищешь ты вечно то, чего другим задаром не надо. Мне ведь даже сон про тебя снился! – говорит Татьяна Сергеевна и привычным жестом поправляет светлые волосы послушницы.

– Какой сон? – интересуюсь я. – Хороший?

– Как сказать... Вот будто едешь ты на своей машинёшке. Кругом – ночь, ни зги не видно. И вот сзади начинается что-то бумкать: «Бум! Бум! Бу-ум-м!». Я слышу, и мне страшно становится. Такие глухие удары, как будто вот из багажника кто-то вырваться хочет. А ты – продолжаешь ехать вперед, даже бровью не поведёшь. Как будто всё так и надо.

– И всё? – спрашиваю я. – На этом сон и заканчивается?

– Нет, – улыбается юловская хозяйка. – Знала, что ты обязательно спросишь... Кое-что еще. Ведь меня самой в той машине и нету будто, я просто вижу всё происходящее откуда-то сверху. Зато есть другие: у тебя ведь все пассажирские сиденья – в куклах. Са-

мых разных: больших и маленьких, из ткани и пластмассы – каких только нет! И все они, это самое странное, – живые. И вот от них, от одного их присутствия так хорошо на душе делается, так весело и... безопасно. И постепенно я успокаиваюсь, уже не боюсь за тебя.

Про свою звёздочку Татьяна Сергеевна попросила меня не расспрашивать: боится, что наши разговоры спугнут ее. Хотя тут и спрашивать нечего – достаточно было посмотреть на ее светящиеся глаза, чтобы понять: свиданья продолжаются.

Перед тем, как попрощаться, учительница объявила, что они с племянником Толиком приготовили мне подарок.

– Ты уж не обессудь, Леша, если не понравится, но она тебе нужнее, чем мне, – улыбаясь, говорила юловская послушница. – Толик ради этого даже в Самару мотался, потому что в Ульяновске нет таких питомников.

Племянник на руках принес в зал черное маленькое чудо – чистопородного ризеншнауцера. Кутенок спал, и поэтому Толик говорил шёпотом.

– Глаза у нее пока синеватые. Такое бывает у кутят – потом, наверно, почернеют. Я ведь сначала тётке хотел ее задарить, но она ни в какую. Говорит, что вам – нужнее. Ну, как? Хороший подарок?

Я осторожно взял шерстяной комочек из его рук, посмотрел на морду с небольшой бородкой и кивнул. Подарок и впрямь хороший. Лучший из тех, что у меня были за последние годы... Мы долго прощались – сначала в доме, а затем на улице.

– Ну, всё, Леша, давай-давай, с Богом!.. Ты ведь еще вернешься в Юлово, я точно знаю, так что – нечего, нечего. Долгие проводы – лишние слёзы.

Татьяна Сергеевна, как всегда, оказалась права: в Юлово я приезжал еще трижды. Если племяш звал на местные родники, я не отказывался, но каждый раз брал Найдю на поводок – так оно надежнее будет. Всё-таки места здесь сами знаете какие.